

«...вы видели в Пегасе Троянского коня» Андрей Вознесенский



Ж У Р Н А Л

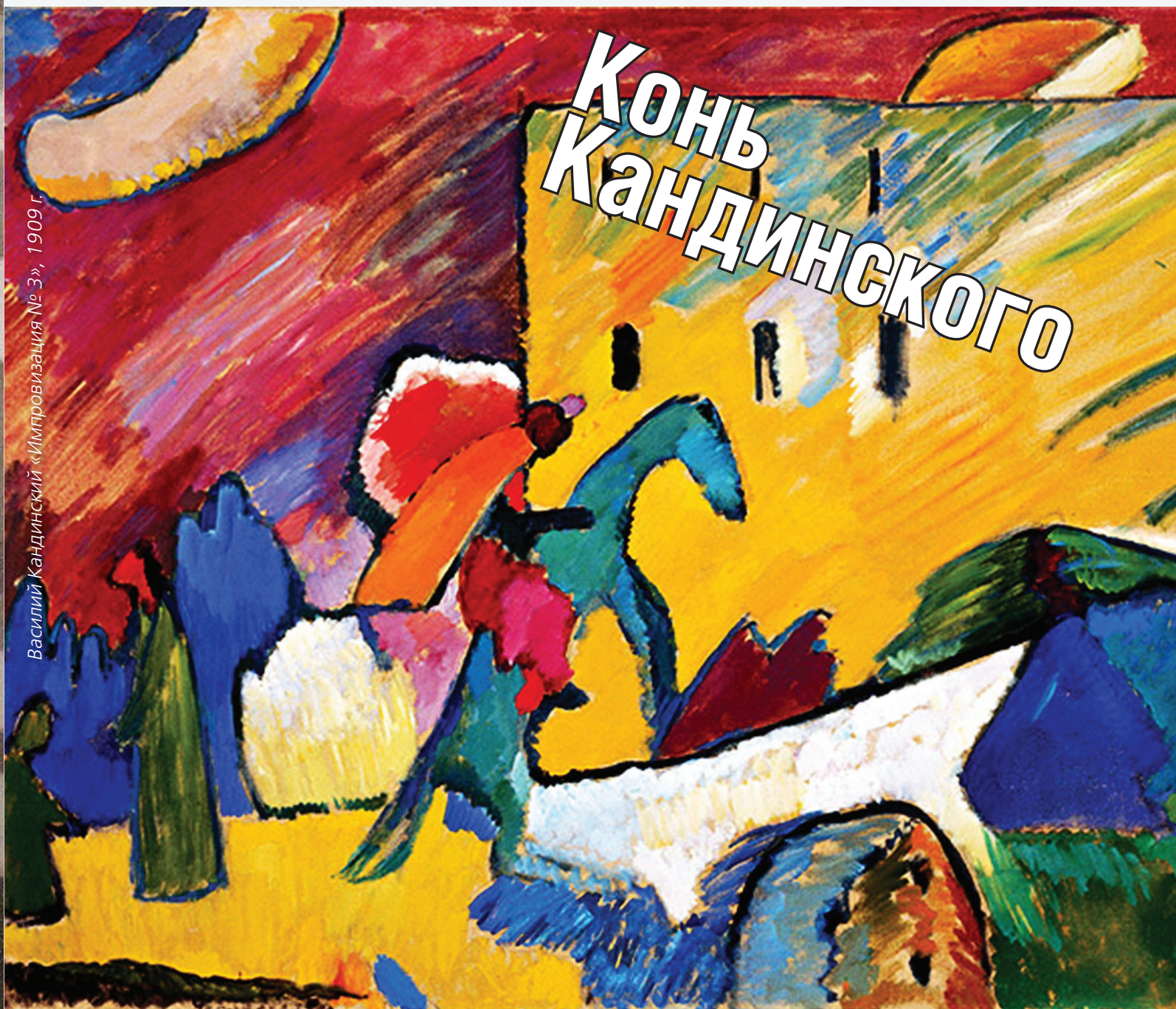
№ 1–2 (57)

2014

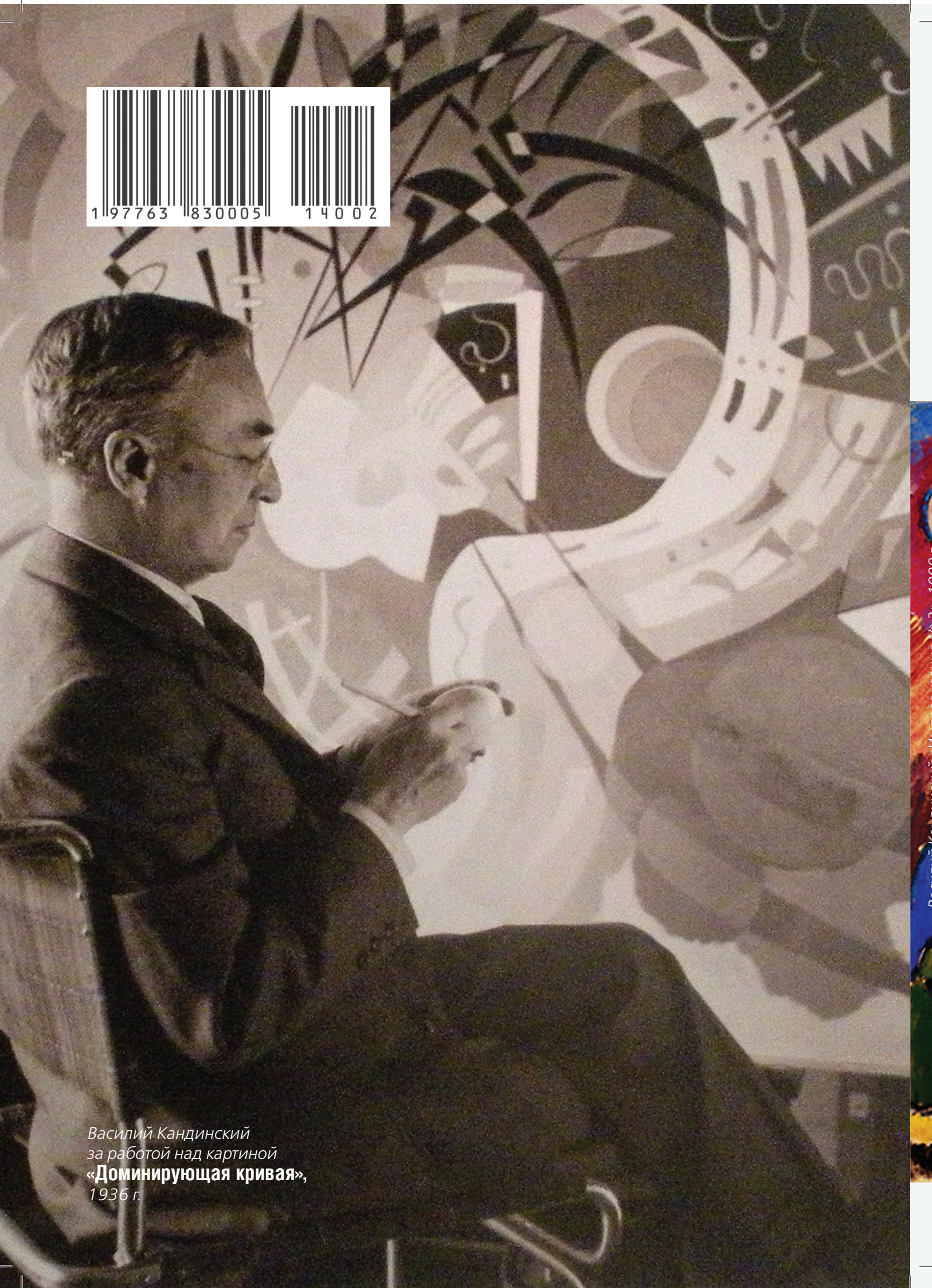
ЭТОВ

Конь Кандинского

Василий Кандинский «Импровизация № 3», 1909 г.



ДООС — добровольное общество охраны стрекоз



Василий Кандинский
за работой над картиной
«Доминирующая кривая»,
1936 г.

Фотокомпозиция
Александра Лысенко
(Вена, Австрия).



Коня седлали

2-3

*Василий Кандинский,
Габриэль Мюнтер,
Елена Кацюба*

4-5-6

*Константин Кедров,
Ян Гевелий,
Леонардо да Винчи*

7

*Елена Кацюба,
Сергей Бирюков*

8

*Хуан Рамон Хименес,
Антонио Мачадо,
Павел Грушко,
Василий Кандинский*

9

*Кира Сапгир,
Гуго Сен-Виктор,
Алина Витухновская*

10

*Наталья Белоус,
Александр Гельман*

11

*Лидия Григорьева,
Валерий Мутин*

12

*Николай Ерёмин,
Виктор Клыков,
Василий Кандинский,
Игорь Крестьянинов*

13

*Василий Кандинский,
Анатолий Кудрявицкий,
Даниил Екимовский*

14-15-16-17

*Лоренс Блинов,
Аркадий Перенов,
Евгений Степанов*

18

*Ярослав Вокал,
Ирина Силецкая*

19

*Бахытжан Канаянов,
Мурат Уали,
Доспамбет-жырау,
Сергей Шилкин*

20-21-22

*Евгения Князева,
Константин Кедров*

23

*Михаил Бузник,
Виктор Ахломов*

24-25-26-27-28

*Василий Останин-Головня,
Василий Кандинский*

29

*Маргарита Аль,
Андрей Коровин,
Василий Кандинский,
Ольга Лебединская*

30-31-32-33-34-35-36-37

*Борис Гриневич,
Ия Кива,
Григорий Натапов*

38

*Дмитрий Цесельчук,
Василий Кандинский*

39-40-41

*Александр Лозовой,
Кристина Зейтунян-Белоус*

42

*Владимир Миодушевский,
Сергей Скуратов*

43

*Игорь Ревякин,
Юлия Гордеева,
Игорь Балюк*

44-45-46-47

*Карло Гольдони,
Ольга Адрова,
Наталья Белоус*



Стихи культового открывателя беспредметной живописи и сегодня звучат свежо и дерзко. Это мир искренней страсти, мир чистых и яростных красок, искавших гармонии только с плоскостью холста, а не с идеей или персонажами.

Один и тот же процесс происходил и в Москве, и в Мюнхене, и в Париже, но только не оказалось в Москве своего Монпарнаса. «Русский Монпарнас» был в Париже. Это академия Марии Васильевой, импульсивной, решительной и деловой русской художницы, анархистки и авантюристки. Здесь русским художникам, особенно не знавшим французского, помогали освоиться, кормили, давали возможность работать. В Париже и сейчас можно прийти во дворик старого дома, где располагалась академия, и просто посидеть на скамейке под деревом.

А где у нас посидеть? Разве что постоять среди припаркованных авто под мемориальной доской на ул. Бурденко у дома 8/1 с башенкой, откуда открывался великолепный вид на Кремль.

Только Кандинский не просто «здесь жил и работал в 1915-1921 гг.». Это был его собственный дом, который наше государство сначала отняло, а теперь охраняет как памятник истории. Именно из окна этого дома в 1916 году Кандинский запечатлел на картине заснеженный Смоленский бульвар, где в линиях веток угадываются очертания синих коней.

Попытка великого художника-революционера, навсегда напугавшего советскую власть, объяснить теорией свои абстракции не увенчалась успехом по одной причине – он и в слове остается тот же убежденный беспредметник и абстракционист. Удивительно цельная и завершенная личность. Освободив живопись от оков сюжетности и предметности, Кандинский вывел человеческое зрение одновременно в космос и в микромир задолго до того, как это осуществилось в технике. Он поверил Платону и Эвклиду, что мир творится из начальных геометрических формул – точка, линия, плоскость. Действительно, любая картина возникает на плоскости из точки и линии.

Если кто-то отважится сегодня прочесть его книгу «Точка и линия на плоскости» от корки до корки, то, захлопнув ее, он не сразу вернется к нашей реальности. В ушах еще долго будут звучать загадочные фразы типа: «Горизонтально-вертикальный крест состоит из одной теплой и одной холодной линии».

А в диагоналях треугольников кроется лирическое и драматическое напряжение. То же самое и в поэзии: «Ритмический образ стихотворения находит себе выражение в прямой или кривой линии, при этом закономерные чередования получают точное графическое обозначение – стихотворный размер».

Изданная в Мюнхене в 1926-ом году книга читается теперь, как тексты Древнего Египта. Здесь все та-



инственно и загадочно, как нерасшифрованные иероглифы на стенах пирамид. Зато увидеть Кандинского теперь не проблема. Его картины вышли из долгого заточения и занимают достойное место в постоянных и временных экспозициях музеев. А знаменитый «Синий всадник» гордо скачет из 1911-го года к нам в 2014-й – год Синей лошади!

Сто лет назад Кандинский написал: «Темп времени после 1914 года, кажется, все более нарастает. Внутреннее напряжение ускоряет этот темп во всех известных нам сферах. Быть может, один год соответствует не менее чем десяти годам “спокойной”, “нормальной” поры».

В конце двадцатого века это подтвердил в своем открытии Сергей Капица.

Елена Кацуба

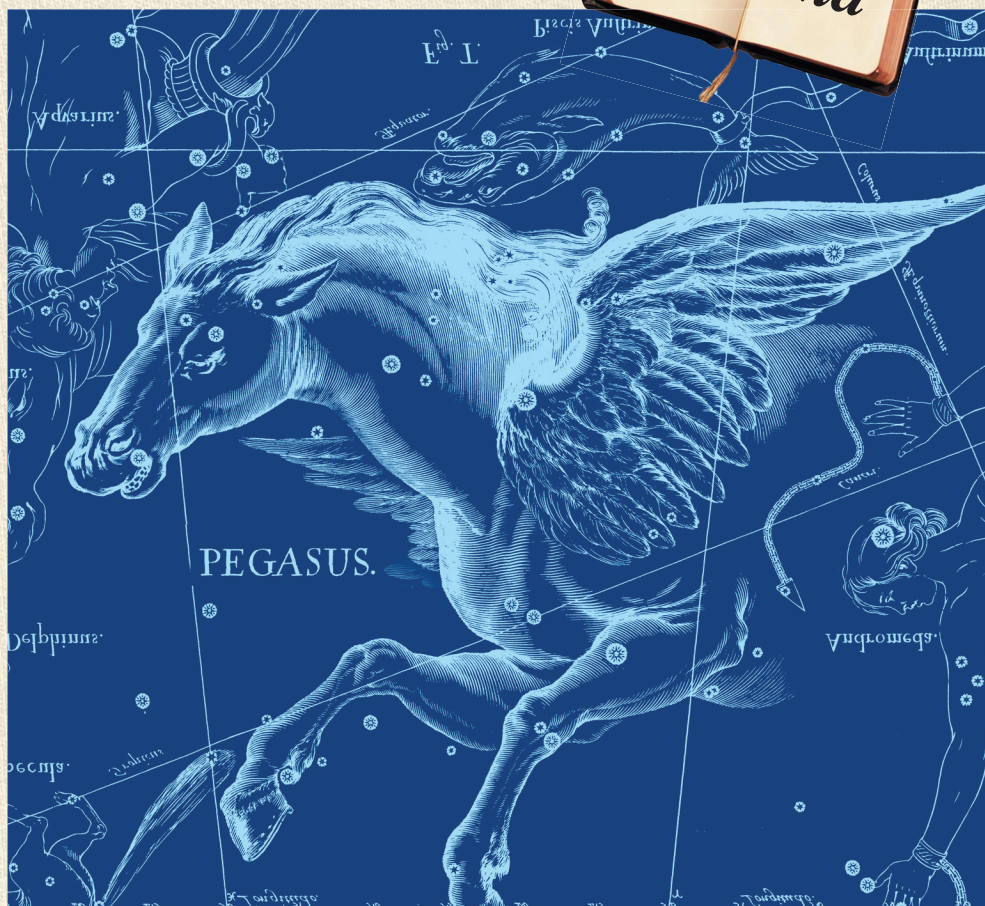
Константин Кедров
«Приношение Кандинскому»,
6 января 2014 г. (монотипия).



Константин Кедров
доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Нуль Леонардо

Конь Леонардо
вылит из пустоты души Леонардо
он весит больше чем Леонардо
ибо пустота помножена
на печаль Леонардо
склоненного над доской
где конь больше чем Леонардо
хотя он держит коня в руке
переставляя его
за пределы света в тьму Милана
или как Цезарь Борджиа
он хотел бы
он хотел бы быть
тем конем на площадях Рима
как гвельф или гибеллин
черный или белый
все равно
он ДА-НЕТ
ДАНТЕ



Созвездие Пегаса из атласа Яна Гевелия, XVII век.



Леонардо да Винчи «Вздыбленный конь», XV век.

Я бы продолжил эту игру
в качестве шута Леонардо
или в качестве коня Леонардо
или в качестве Леонардо
если бы минимум пустоты
не был максимум полноты
если бы объем умещался в теле
если бы действие Леонардо –
тела А

было равно
противодействию коня – тела Б

«А» Леонардо = «Б» коня

«А» х «Б» = Леонардо на коне

B / A = Леонардо внутри коня =
= поверженной Трое
ибо из пустоты выходят герои
дабы мечом творить пустоту
ибо мечи строят новую Троицу
из кирпичей мировой пустоты

Меч вырубает кирпич пустоты –
Гектор повержен

Меч вырубает колонны из света –
падает Менелай

Леонардо умножил битву на два пролета
пуская в действие арбалеты

Взлет – стрела летит над рядами
воздвигая контуры Нотр-Дама

губы шепчут – кульпа, меа кульпа
Леонардо вычертил катапульту
катапульта катапультирует Нобеля
Нобель
вычерчивает Чернобыль

Леонардо задумался о нуле
если нуль пуст
из чего состоит оболочка
Точка = нулю
Нуль ≠ точке

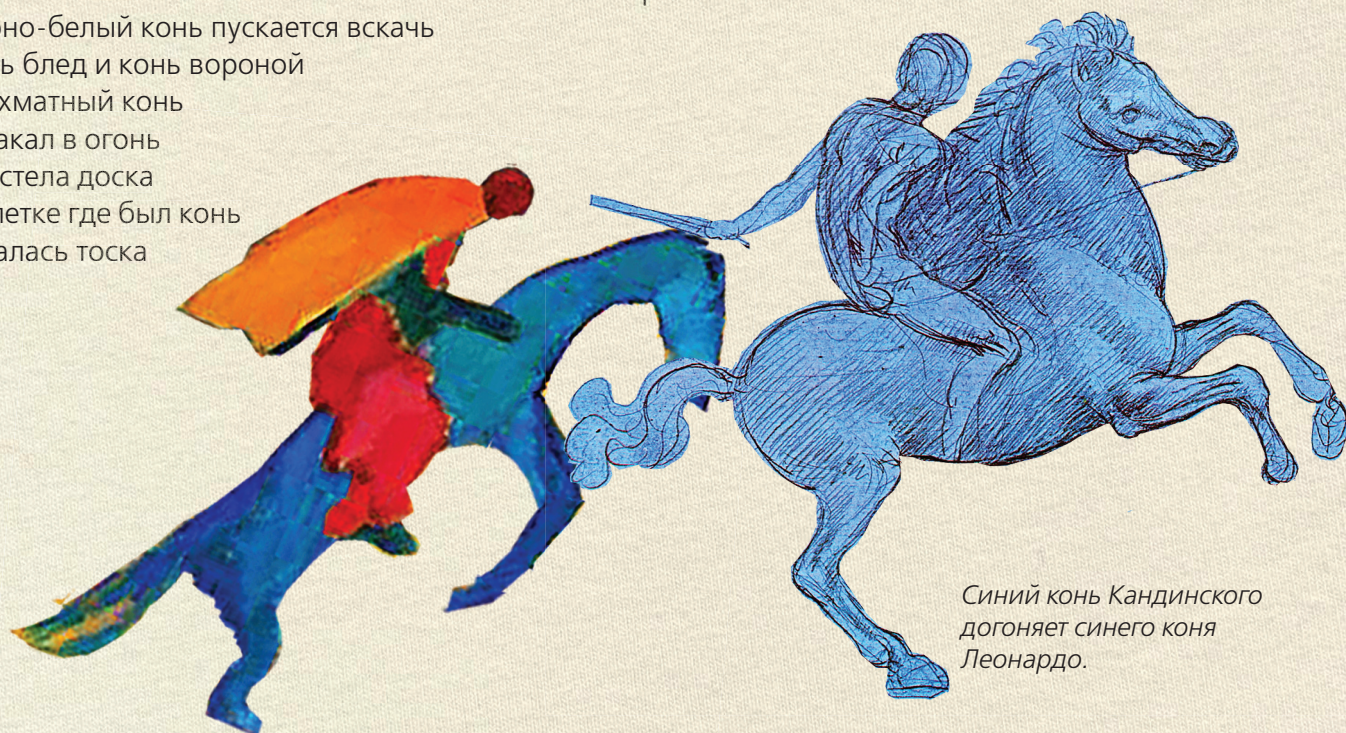
Преодолевая суровый рок
я отделяюсь от той доски
тенью шахматного коня
Остается на ней тень от
фигуры переносимой за борт
где лежит поверженный Вавилон
состоящий из груды тьмы
Леонардо переставляет фигуры
Фиг. 1
Фиг. 2
Фиг...

Черно-белый конь пускается вскачь
конь блед и конь вороной
Шахматный конь
ускакал в огонь
опустела доска
в клетке где был конь
осталась тоска

рокировка – тоски с доской
рокировка – коня и огня
рокировка – тоски со мной
рокировка – со мной меня
В клетке где был я остался другой
в клетке где был другой остается конь

Назовем черное цветом тьмы
Назовем белое цветом дня
Рокируем – останется рок и день
Рокируем – останется рок и тьма
Передвижение шахматной тьмы
подобно движению зубчатых передач
клетка ночи цепляется за клетку дня
так весь часовой механизм
пускается вскачь
Так белый конь
преодолеывает черный барьер
Так черный конь
преодолеывает белый карьер
арьергард
кавалергард
подставляет грудь
и бьет его картечь
разрывая на черно-белое
тело его белое
и душа его белая
на белом коне
уносится вскачь
оставляя
в доске

пробел.



Синий конь Кандинского
догоняет синего коня
Леонардо.



Елена Кацюба

ДООС – libellula

КОНЬ

КИНЬ

бег в **СИНЬ** –

неба **СЕНЬ** – день-день

ешь **СЕНО** туч

солнца **СЫНОМ** будь

Твой **СКОК**

СКОР

а**ККОР**д света

УКОР РОКУ

Дай **РУКУ**, всадник

перенеси через **РЕКУ**

к новому **ВЕКУ**

Горит над **ВЕКА**ми

синим огнем **ВЕГА**

звездный **ПЕГА**с скачет

В 1912 году издательство
Р. Пипера в Мюнхене выпустило
в свет альманах «Синий всадник»
– программный документ
художников-авангардистов

Сергей Бирюков

доктор культурологии

ДООС – заузавр

Галле, Германия

Авторская билингва

Ich – Я

Стихотворение на немецком и русском

ÜBER DEN „BLAUEN REITER“

*Kandinsky, Marc, Macke –
schon sie so weit...*

aus dem Fenster
sehe ich
o ja, nicht den Alpen
das ist ein blauer Reiter
siehe da
er springt
Reiter Reiter
über den See

е

О «СИНЕМ ВСАДНИКЕ»

*Кандинский, Марк, Макке –
уже вы вдалеке...*

из окна
вижу я
о да, не Альпы
да, это синий всадник
смотри смотри
всадник всадник
в полете
через О
зеро!

Хуан Рамон Хименес
(1881-1958)

Лауреат Нобелевской премии

Поэт на коне

Сон сиреневого цвета
над вечернею тропею!
Конь уносит в ночь поэта...
Сон сиреневого цвета!

Чистый час речной прохлады.
Влажный запах камышовый
проникает за ограды...
Тихий час речной прохлады.

Конь уносит в ночь поэта...
Сон сиреневого цвета!

А душа моя томится —
так тревожно и дурманно

Ja caballo!

душу берedit душица...
И душа моя томится.

Конь уносит в ночь поэта...
Сон сиреневого цвета!

Золотыми стали плесы...
За последним вздохом
солнца
сон нисходит на откосы...
Золотыми стали плесы...

Сон сиреневого цвета
над вечернею тропею!
Конь уносит в ночь поэта...
Сон сиреневого цвета!

Скомандовал: «По коням!» — и проскакал вместе с авторами на испанских конях по-русски Павел Грушко (Бостон, США).

Антонио Мачадо
(1875-1939)

Пегасы

«Tournez, tournez,
chavaux de bois».
Verlaine*

Пегасы мои, пегасы,
деревянные жеребят...

Радость давнего детства:
в праздник, после заката,
на расписной лошадке
по кругу лететь куда-то.

Трескучие фейерверки
пыльный чертили воздух,
и синяя ночь пылала,
вся в огоньках и звёздах.

Забавы давнего детства:
медяк, всего-то и плата —
и тебя уносят пегасы,
деревянные жеребят!

*Буквально: «Кружитесь, кружитесь, деревянные кони». Верлен.



Василий Кандинский «Два всадника на красном фоне». 1911 г.

Кира Сапгир

оса ДООСа

Париж, Франция

Кони

(дропа-пятистишие из цикла «Бестиарий»)

Подталины и топот
Копыт барона Клодта
Как эхом отраженный
Оградой чугунной
Волною преломленной

хочу ПОделиться

Дама из фолианта «физиолога» Гуго Сен-Виктора (XI в.), где рассказывается, как ловить единорога «на живца»:

«Единорог есть милое малое животное, похожее на козленка. На голове его один очень острый рог. Он пасется в лесах, и охотник никакой силой не может пленить его. Говорят, что ежели его хотят схватить, в места, где он пасется, приводят невинную деву и оставляют одну. Когда же она замечает единорога, то



открывает ему объятия, а он, видя это, отбрасывает всю свою дикость, кладет голову ей на плечо и засыпает; спящего его ловят находящиеся в засаде ловчие и передают во дворец царя...»

А дальше мораль: «Так и Господь Иисус Христос, духовный Единорог, сойдя во чрево девушки, принял от нее плоть, и слово стало плотью и обитало с нами».

Алина Витухновская

друг ДООСа

Фрагмент из поэмы

«Красавица и Люцифер»

Манит в лунные люце-сферы
Убаюкивающий Морфей.
Ты под морфием стал Орфеем.
Эвридика... Иди за ней!

Ты спускаешься в Царство
Мертвых,
Некроэльфом средь некрофей.
Холодеющий в венах морфий –
Голубая кровь королей.

Ледяные шептали губы
Муз пророков – Медуз Горгон:
«О, Герой никого не любит.
Никого не жалеет он,

Ибо Идолный Победитель
В ледянчестве одинок.

Не спускайся за Эвридикой,
Завороженный Полу-бог!»

Он уходит из Царства Мертвых.
Когтем в мозг – Эвридики крик.
И во взорванную аорту
Кляпом выпадет зверь-язык.

Эвридику Эвридикой
Хладный труп опадал в хаос.
...Окровавленные гвоздики,
В небо вбитые вместо звезд...

Хаос в пропасти прохочет
Эхом-Уорхоловский поп-ад.
Предающая Миф Эпоха,
Не оглядывайся назад!

.....

Входят памятники Героев
В Совершенный и Новый Миф.
Старый мир заливают кровью
Тамплиер Пустоты – Сизиф.

Окочательное Решение
В устранении составных
Мифоложного уравниенья.
И поэтому мертв Сизиф.

Он распят под тем
самым камнем.
(Символизма последний визг!)
Волчьей пастью Эпоха лакает
Метафизику на крови.

Ослепительная бесстрастность
Сей Мистерии Пустоты!
Это Антихристианство.
В нем Христос и Антихрист – ты.

Наталья Белоус (Париж, Франция)
«Волхвы» (холст, масло).



Александр Гельман

Новогоднее

Как Президент всяя себя
без десяти двенадцать
я произнес
поздравительную речь:
С новым годом, сердце!
С Новым годом, желудок, ребра!
С новым годом, глаза, губы, нос,
и голова в целом!
Суставы, сочленения, кости,
руки, ноги, с Новым годом!
Спасибо, что не допустили распада
целостности моего я,
спасибо, что сохранили мне жизнь
в многосложных условиях внутри
и снаружи!

Спасибо!
Нейроны, кричите «Ура!»
«УРРРРРРААААААААА!»

Мне было четырнадцать лет,
у соседей выпил вина,
первый раз явился навеселе.
Размеренно покачивая головой,
отец смотрел на меня,
как на амбарный замок,
потерявший от себя ключи.

Раньше я забывал то,
что лучше не помнить,
теперь – наоборот:
не помню – без чего жить нельзя.
Но как-то живу.

На любое движение души,
как волки, набрасываются слова,
схваченные словами за горло,
плененные чувства стонут.
«Долой язык-оккупант!» –
кричит сдавленный голос...

Лидия Григорьева

ДООС – с треказанка
Лондон Великобритания

Пожила я на этом свете,
вместе – горечь и благодать...
Если я была в Назарете,
То чего мне еще желать?

Слишком часто была не в теме,
Слишком многим не по пути...
Если я была в Вифлееме,
То куда мне еще идти?

Не скрывала своих рыданий.
Веселилась, когда могла.
Мои щиколотки в Иордане
Щекотали рыбки Петра.

А на улицах Яффы кофе
И тягуче, и горячо.
Я пока не была на Голгофе,
Значит срок не вышел еще.

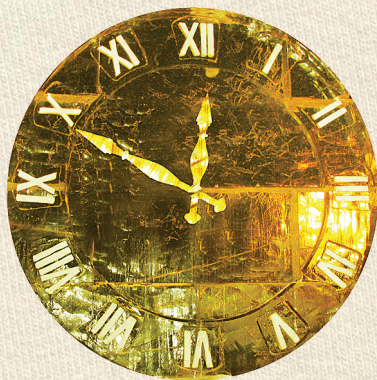
Без покрова, без крова,
бродят меж горных сёл
розовая корова
и голубой осёл.

Буря ли рвет и мечет,
валом ли снег валит,
птица ли прощечет,
голубь ли прогулит,

выйдут ли из сخورна,
выслав вперед гонца,
белая ли ворона,
черная ли овца –

все не стоят на месте,
всякий любому рад,
все соберутся вместе
у Вифлеемских врат.

Эти незлые звери.
в пагубе и гоньбе,
братья мои по вере,
разуму и судьбе.



Валерий Мутин

Пречистое, Ярославская область

Рождественские крестики

Я вижу дно сквозь тонкий лёд,
Сквозь облака – звезду.
Пока живу – иду вперёд,
Вслед за звездой иду

Мысли вслух

У Бога всё наоборот..
Из века в век, в который раз
Не мы встречаем Новый год,
А Новый год встречает нас..

Иисусе, сжался надо мной,
И здравствовать вели.
Хотя бы лет на сто земной
Мой путь продли...

Мне говорит с небес в ответ
Воскрес из мертвых кто:
«Ну, проживёшь ты двести лет.
А дальше... что?»

Я прошлое не буду ворошить –
За будущее на душе тревожно, –
Ведь ты не та, с которой

можно жить,
А та, жизнь без которой –
невозможна...



Ёлка и снеговик
по-кандински.



Николай Ерёмин

ДООС – никозавр
Красноярск

Дифирамб художнику Кандинскому

*Шрамы заживают.
Краски оживают.
В.Кандинский*

Васильковский Василий Васильевич –
Метаметафорический гид –

Пролетел над полями России,
Как Тунгусский метеорит...

И оставил космический след
На полотнах – свет
Плюс минус цвет...

И с тех пор –
Восхитительный вид! –
По музеям Европы горит...

Не случайно я магу под стать
Его тайны хотел разгадать:

Отраженья вселенской души
Так пленительны и хороши:

Мысль плюс чувство
И жизнь минус смерть...

Никому
так,
как он,
не суметь!

Виктор Клыков

ДООС – австрозавр
Вена, Австрия

Синий всадник 2

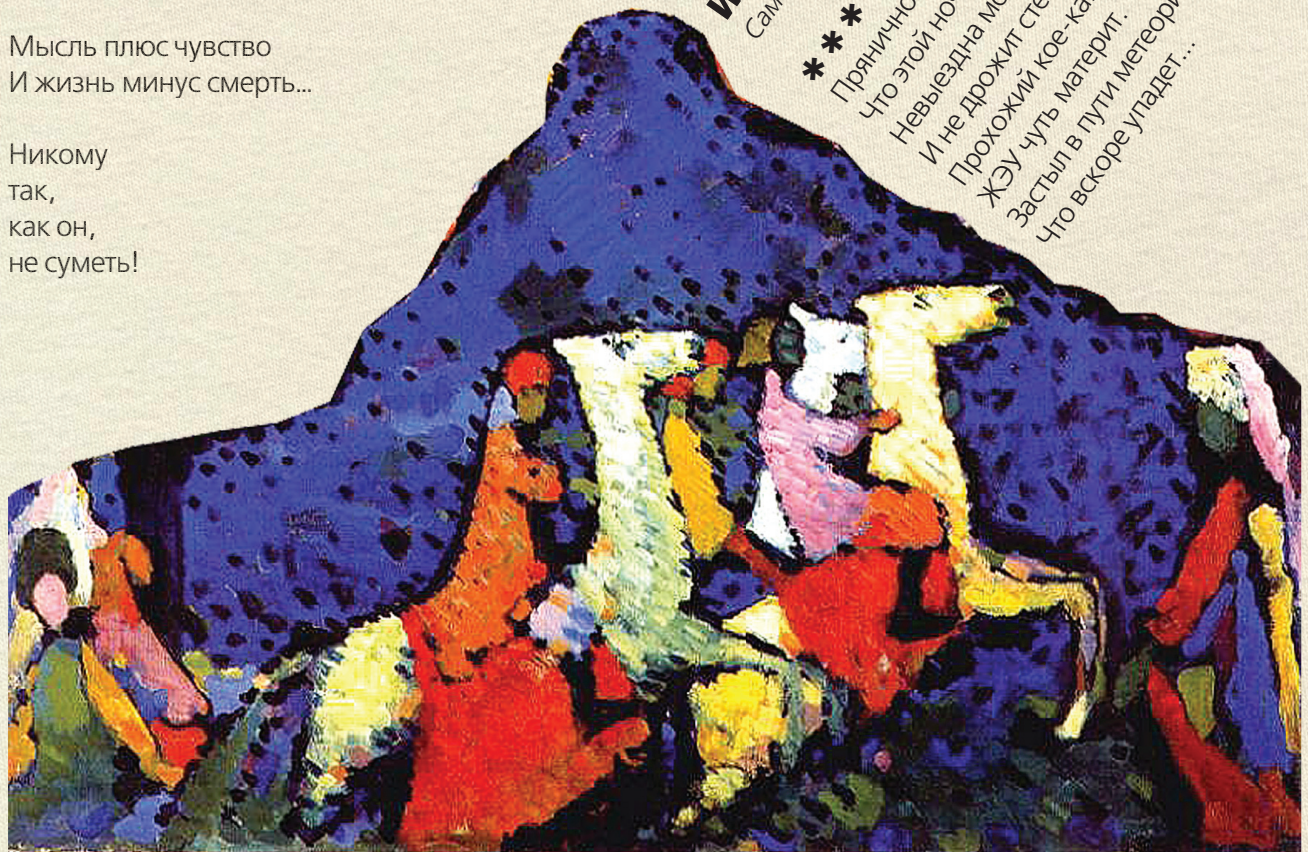
Не Кандид*,
Der Blau Reiter –
плод Кандинского труда
к нам вернулся сквозь года.

Не Кандид,
А Синий всадник
Сквозь Кандинского про-грез
Мир собой заполнил весь
Новым годом обернулся
И разросся до небес.

3.01.2014

Игорь Крестьянинов
Самара

Прянично тает белизна,
Что этой ночью намело.
Невыездная моя страна.
И не дрожит стекло.
Прохожий кое-как бредет.
ЖЭУ чуть материт.
Застыл в пути метеорит,
Что вскоре упадет...



Василий Кандинский «Синяя гора», 1908-1909 гг. (фрагмент).

* Кандид – (фр. *Candide* – букв. наивный, чистый) герой философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм», 1759.



Василий Кандинский. набросок к «Синему всаднику».

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр

Дублин, Ирландия

*** * ***

Утраченный всадник на звонком коне
раскатисто скачет по звездам ко мне.

– Скажи-ка мне, всадник, удачник судьбы, что вид твой огромный нам, малым, сулит?

– Я мускул державы, я сторож и страх,
сполох я и гарь мирового костра.

Ваятель грузинский чеканной рукой
поставил меня надзирать за луной.

Зубилом я трачен и скромностью пуст,
под праздник все тучи гоню я от уст.

Я голод бумажный, я уровень цен,
я ваша мечта о народном отце.

Я имя, я темя под градом гвоздей.
Я молод. Прописан я молотом здесь.

В халате, в палате, в посмертном бреду
зовите – и я к вам газетой приду.

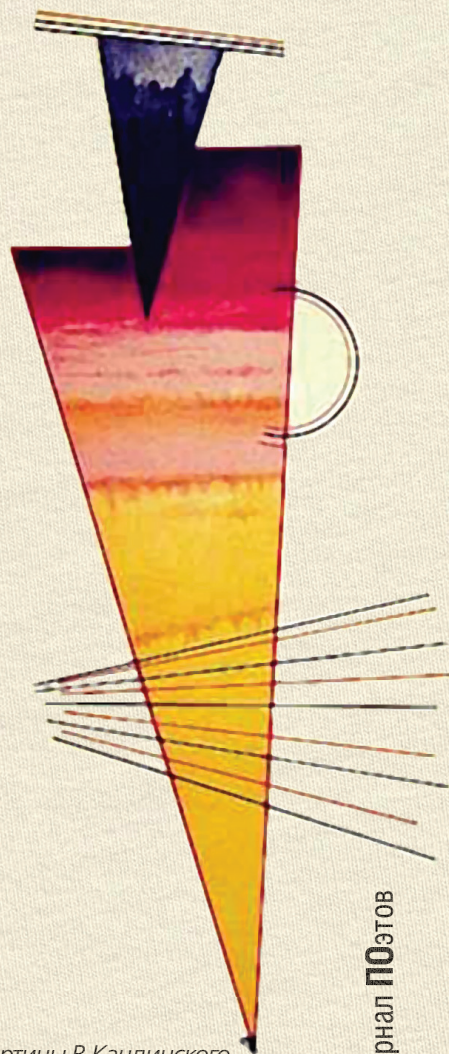
Даниил Екимовский

Скоро сколы скал
Изменят примерно вменяемость замены
Порог рога гор
Длиной дальности долготы долга
Кроме кромки корма
Пищи ниши шипа ошибки
Знакомых знаков знаменая
Площади плоскости полос лошади
Тайком так комья
Тока толка колко только
Марево

2410201220232037

*

Я ветер
 Но огонь.
 #для пламени ?-“\;=
 Необходим
 Ветер
 Без !_,,:+
 @ +. -“.,пламени
 -(--((нет
 >огня>-
 Нужно для *`= `
 Пламени. . . . \~
 ; то [п #ли ##\$ \$во
 Топливо то
 Пли во т огли вот
 Оп лив отоп л иво т
 О пливо топ лив
 Отопл ивот
 “!+ ’?[/~\$ § ^
 ДАЙТЕ ТОПЛИВО
 ТОПЛИВО
 топливо
 топлив
 топли
 топл
 топ
 то
 т



Персонаж картины В.Кандинского
«Радостная структура», 1926 г.

0411201219401948

Лоренс Блинов

ДООС – звукозавр
Казань

Песок поэзии

К началу 70-х годов в Казани закончило свое существование литературное объединение имени Владимира Луговского, свыше десяти лет служившее прибежищем для молодых энтузиастов поэтического слова, опьяненных свежим ветром так называемой «хрущёвской оттепели».

В то, уже далекое от нас время, участники объединения собирались в Доме печати (чаще всего в клубе имени Габдуллы Тукая), читали свои стихи и горячо обсуждали их, равно как и последние веяния поэтических исканий собратьев по перу, живущих за пределами Казани. Время от времени посещал такие собрания и автор этих строк, иногда показывая и свои поэтические опыты.

Впрочем, отнюдь не всеми и не всегда они принимались «с одобрением». Скорее, наоборот. Только много позже стало понятно, что иначе и быть не могло. Большинство членов этого литобъединения находилось под влиянием ярчайших поэтических светил того времени. Это были – Вознесенский, Ахмадулина, Евтушенко, бунтарский пафос которых казался столь привлекательным. Мне же была более близка иная область поэзии, связанная с именами русских футуристов начала двадцатого века, а также полузапретная лирика Пастернака и Цветаевой (и уже совсем запретные стихи Мандельштама и Гумилева, «ходившие» лишь в подпольных машинописных копиях «самиздата»).

Райнер-Мария Рильке и Федерико Лорка (некоторые из сочинений которых я решил заново перевести на русский язык), французские сюрреалисты Андре Бретон, Тристан Тцзара, Рене Шар и другие (совершенно не известные для большинства тогдашней поэтической братии) возникли в поле моего зрения значительно позднее.

Тогда, в самом конце 50-х годов (еще до создания литобъединения имени Вл. Луговского), надолго затмив все иные поэтические светила, возникло передо мной явление, имя которому Велимир Хлебников.

Это было не только открытием (для самого себя) творчества полулегального поэта, но неожиданным образом зарождением того, что позже происходило в связи с этим, что стали называть впоследствии «хлебниковским ренессансом» в Казани. А было вот что.

Поскольку мне (после упоенного изучения и переписывания) показался все же недостаточным тот «хлебниковский материал», который был предоставлен казанской Ленинской библиотекой (ее работники смогли отыскать лишь раритетный – прижизненного издания – «Изборник стихов» да «Неизданные произведения» Хлебникова), я решил наведаться в библиотеку Казанского университетскую, в надежде найти еще какие-либо издания стихотворений Велимира. И (о, чудо!) – интуиция не подвела: там оказался знаменитый пятитомник Хлебникова (под редакцией Ю. Тынянова и Н. Степанова), который мне стали том за томом выдавать под расписку, отбирая паспорт на время



Лоренс Блинов. 70-е годы XX века.

работы в читальном зале). Там я на протяжении многих дней занимался изучением этого собрания сочинений гениального поэта, заполняя выписками из него несколько объемных тетрадей.

Интересно, что в то же самое время в этом же читальном зале изучал пятитомник и ныне известнейший поэт Константин Кедров. Он писал дипломную работу о Лобачевском и Хлебникове. Мы уже были с ним знакомы, встречаясь на заседаниях упомянутого литобъединения. Удивительно, но часы нашей с ним работы в библиотеке за все эти дни ни разу не совпали. Однако необычным интересом двух абонентов к одному и тому же изданию заинтересовались «соответствующие структуры», и доступ к сочинениям Хлебникова надолго был закрыт как в университете, так и в Ленинской библиотеке. Но обо всем этом мне стало известно гораздо позднее.

Костя же через некоторое время, вследствие крайней радикальности его творческих установок, совершенно неприемлемых для литературно-общественных инстанций того времени, вынужден был, защитив диплом на «отлично», уехать из Казани, чтобы уже в Москве начать дело становления нового поэтического движения, впоследствии организовав (совместно с замечательным поэтом – Еле-

ной Кацюбой) независимое поэтическое издание «Газета ПОэзия», которая превратилась позже в известный во всем мире «Журнал ПОэтов».

На мою же долю выпало здесь, в Казани, продолжить «хлебниковскую стезю», проводя различного рода поэтические вечера, посвященные новаторской поэзии (наряду с моими композиторскими занятиями как в музыкальном училище, так и в период обучения в Казанской консерватории). Иногда такие вечера сопровождалась моими же музыкальными сочинениями, связанными с поэзией Хлебникова. Наибольшую известность тогда получил цикл пьес под названием «Струения мигнов» (для фортепиано и чтеца); особенно часто исполняющийся в связи с очередными хлебниковскими юбилейными датами.

Первоначально зачисленные музыкальными руководителями в разряд «совершенно недопустимых явлений, чуждых всему образу нашей художественной жизни», и упомянутое сочинение, и проводимые мною музыкально-поэтические собрания долго еще не могли освободиться от этого нелепого клейма.

Между тем, собственные литературные опыты продолжались, приобретая какое-то иное качество. Где-то внутри, вероятно, шла напряженная работа по преобразованию всей системы творческого самовыражения, всего механизма поэтических движений. Конечно, этот анализ (самоанализ) возможен лишь теперь; тогда же, в те времена, трудно было что-либо понять в самом себе.

Однако стали возникать и даже (невероятным образом) появляться в периодической печати такие из моих сочинений, которые не могли не раздражать не только моих собратьев по стихосложению, но и самих руководителей литературного объединения, которые назначались «сверху» и потому несли ответственность за «поэтический климат» литературных собраний. «Оттепель» заканчивалась. Наступила «брежневская эпоха». И вот – литературное объединение имени Владимира Луговского перестало существовать. Многие из его членов завершили свое обучение в вузах Казани и разъехались в разные концы страны.

Перед оставшимися встал вопрос: где собираться. Некоторые из них уже вкусили «запретный плод» нового поэтического видения, и их не могли уже удовлетворить «разрешенные» кем-то там наверху «официальные» литературные собрания, появившиеся в стенах университета, либо в Музее А.М.Горького.

Они начали мечтать о создании независимого поэтического сообщества, подобного тому, которое создали в начале XX века братья Бурлюки, подобного их «Гилее», ставшей центром притяжения для таких личностей, какими явились будущие футуристы Хлебников, Маяковский, Каменский, Крученых...

На очередном сумбурном собрании этих «мечтателей» мне пришла в голову идея создать новое объединение с названием ПОСОХ – Поэтическое сообщество имени Хлебникова. Идею поддержали с неожиданным энтузиазмом. Встал вопрос о месте поэтических встреч. После бесплодных попыток найти решение вопросов различных общественных организациях города (в том числе в горкоме

ВЛКСМ, результатом посещения которого явился категорический запрет), решено было собираться на нашей с братом Владимиром квартире, находившейся на ул. Свердлова в доме под номером 100.

Волей-неволей объединение приобрело андеграундный характер, вследствие чего не все из тех, кто так активно стремился к участию в подобном литобъединении, смог в дальнейшем остаться в нем. И все же уже в сентябре 1973 года состоялось первое собрание, а вскоре определился основной состав участников будущих собраний. На одном из таких собраний было решено выработать своего рода «манифест» объединения, в котором была бы отражена идея ПОСОХа. Подготовить проект подобного документа было предложено мне. К очередному заседанию ПОСОХа основной текст был готов и после соответствующих поправок и уточнений был полностью одобрен собравшимися.

Так возник программный документ, положения и эстетические установки которого на долгие годы определили работу нашего поэтического сообщества и творческую судьбу его участников.

Огласник ПОСОХа, или Поэтическое приглашение к вечернему чаю.

1. Мы пришли потому, что место пусто. Оно давно нас ждет.

Нам нет необходимости кого-либо ниспровергать.

Все обстоит так, как и должно обстоять /как и обстояло всегда/: каждому свое. Наше – нам.

2. Мы пришли потому, что идущих далеко впереди – забыли: их не видно. Мы их не заменим; но ведь нам не заменить даже самих себя.

3. Мы никого не сбрасываем /и не собираемся сбрасывать/ с «корабля современности», напротив, мы им каждому предоставляем право выбора любого лайнера, мы не ограничиваем их в возможности плыть, лететь из любой запредельности в любую повседневность.

4. Сами же мы, взяв в свои руки ПОСОХ, отправляемся своим путём, приглашая /чашка чая не столь уж и фантастический способ совместного старта/ к путешествию всех тех, кто не боится задохнуться неуловимостью тонко звящего, кто не боится в вытянутой руке, закрыв глаза, пронести одуванчик сквозь ураганную серость города, кто зачарован прохладным звоном серебра в глубинной синеве небес... Мы приглашаем вас пойти с нами, вас, отряхивающих пыль с высокосветских струн в розоватые озера Весны; вас, не боящихся опрокинуть эти озера на пугливую белоснежность бумаги, чтобы пристально взгля-



Продолжение темы
ПО № 1 (26) 2011 г.
«Миру и Велимиру».

нужно им в глаза, вновь и вновь мучиться вопросом: кто кого отражает...

5. Серый табун – уже не преграда нам. Наш ПОСОХ стоит любого кнута! Мы свободно проходим сквозь всю эту мычащую чашобу; перед нами – простор, мы уже слышим тончайшие колебания надводных струй /но мы способны постигать и заглубинные течения/; и нам некогда скучать. С нами великолепная и удивительная компания, обещающая никогда нас не покидать, компания, неперенной спутницей которой является светящаяся лукавством Вечность со всеми своими многочисленными поклонниками и почитателями. Взор выхватывает, например, среди прочих аскетическую фигуру «великолепнейшего и честнейшего рыцаря поэзии», бессмертного Председателя Земного Шара, умеющего погружаться в себя со всею своей ратью будетлян, с художниками и пилотами; с математиками и галахами; с раклами и безумцами... Мы видим и его красивого двадцатидвухлетнего собрата в желтой кофте и черных штанах из бархата собственного голоса – впрочем, у него, говорят, был и еще один голос – для женщин и для того угрюмого и страстно-бесстрастного антипода своего – равно похожего, как известно на араба и, одновременно, на его лошадь, – роняющего слова «задумчиво и щедро –

едва, едва, едва»... Здесь и преклоняющий лишь перед метафорой да жизнью – разделяющий и исключаящий всякое соседство двух этих ипостасей: «В присутствии розы не зачем читать стихи о розе, – либо роза, либо стихи станут лишними», – свято чтившего столь далекого в своем недоступном величии короля метафоры дон Луиса де Гонгору – сегодня и это воплощенное олицетворение одиночества здесь, и это не насилие, – он нас предвидел; но тут же поблизости и тот, кто гордо отринув имя своего тройного тезки – равно как и испаноязычность, – предпочел тихо и незаметно погрузиться в Античность, дабы возникнуть затем с тихой ослепительностью неведомой славы, с застенчивой гордостью своих непостижимых «Трофеев» – это Жозе-Мария де Эредия; и другой француз – утонченнейший Эжен Гильвик; и извительнейший маэстро парадоксов, постоянно заставляющий истину слегка побалансировать на накате, дабы проверить ее достоверность, обнадеживающий зло и ослепительно, что «всякое искусство совершенно бесполезно»; и Фет; и анонимы древности... и – «постигающий мичиган», а рядом – и всегда чуть впереди – настолько же, насколько и несколько позади – космически величественный манхеттенец, с ног до головы укутанный в «Листья травы»... И Сартр... И Рильке. Мишо и Беккет...

Да мыслима ли и уловима вся эта плывущая своими течениями армада айсбергов даже и в своей надводной части недостижимых, бесконечных и неохватных! Но как обойти? Как миновать?

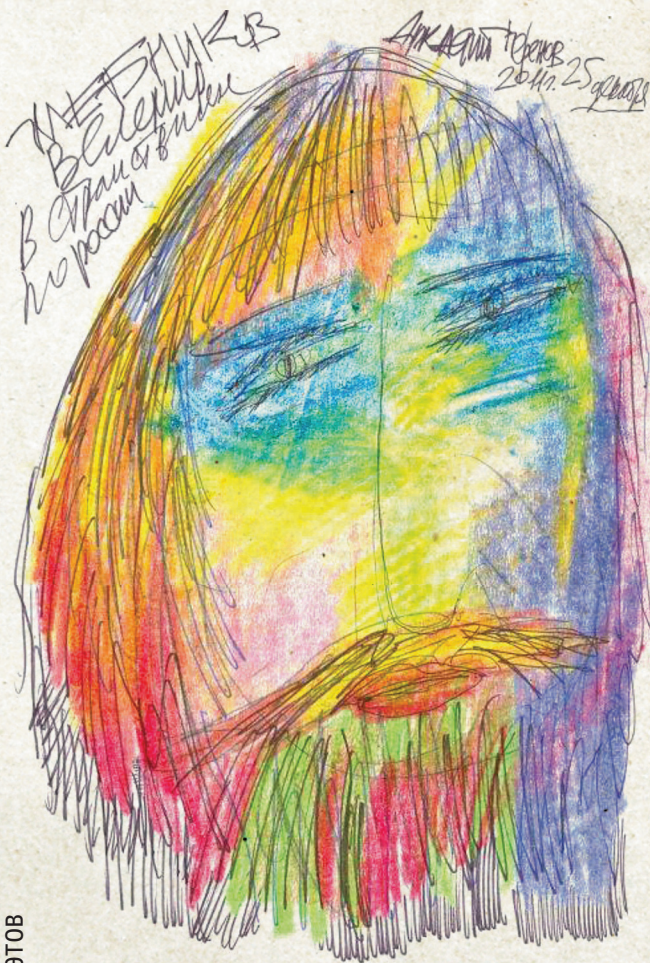
... Шекспир ... Марина ... Элюар... И некий орнитолог, белоснежный шаманствующий словодей, замороженно и заворачивающе исследующий гордую и великолепную утонченно-поэтическую птицу со своей озорной и ажурной чертовщиной и «Мертвыми душами» за душой... И фаусто-образный Мастер со своею Маргаритой; и уж совсем похожий на нас одинокий и босой японский странник со связкою Рэнку под соломенным Плащом обезьяны; и могучая старуха Анна; и Верхарн; и коктебелец; и извительно-освежающе-сокрушающий еврей Осип ...

6. Прошлое поэзии (как и будущее) – свежо и обширно. Настоящее – подпернуто серым абсурдом ясности. Приступ поступательной дезориентации достиг своей вершины ныне по отношению к феномену «простоты». «Назад к Пушкину!» – кричат одни, не видя, что он намного впереди их затылков... «Вперед к Пушкину!» – вопиют некоторые другие (ракообразные). А если прибавить к этому всевозможные левые и правые позы и призывы, то картина полнейшей дезориентации выявится во всей своей ясно ориентированной неопределенности.

7. Но мы против переосмысления здравого смысла. Здравый смысл неизменяем. Он неуничтожим. Отыскать тонкие горизонты пленительной неясности среди дидактического моря учено-филологического одичания – наша цель. Пробудить в душе затаенные туманности со всею гигантской утонченностью галактик – наша цель. Наша цель – пробудиться в слове и пробуждать.

В наши дни неосмотрительно быть осторожным.

Здравый смысл – болезнь. Болезнь духа.



Аркадий Перенов (Улан-Удэ)
«Велимир Хлебников в странствиях по матушке-России».

25 декабря 2011 г. (чернильные ручки, масляная пастель).



**Аркадий Перенов (Улан-Удэ) -
«Хлебников держит
в руке летучую мышь».**

2 января 2012 г. (чернильные ручки, цветные карандаши, тушь, бумага).

Здравый смысл – тоталитаризация фетишей, – антипоэзия.
Здравый смысл – метафора в униформе. Мы ее обнажаем, возвращаем ей индивидуальность; мы заставляем ее жить своею собственною жизнью – жить, чувствовать, совокупляться с бесподобными себе и рождать молнии. Молнии поэзии и Красоты.

8. Звезды горят не те. Звезды эстрады. Звезды кино. Звезды сиюминутности. Звезды сегодняшнего прошлого. Макеты и модели звезд. Без неба. Звезды сомнамбулизма и наркотиков.

9. Наш ПОСОХ – всем, кто видит над головой иной звездный шатер. Тем, кто способен увидеть его распахнувшимся, раскрывшимся подобно бутону с бездонным ароматом зазвездных сфер; кто не боится ступить за горизонт.

10. Мы не признаем прозы. У нас нет стиха. Она. Одна она – ПОЭЗИЯ. Мы погружаем наш ПОСОХ в живую струю земли, и он расцветает музыкой птиц, живописью трав, поэзией зазеркальных гор.

Мы слышим, как в глубине протожизни пульсируют солнца, и видим Поэзию. Мы видим, как где-то в контурах слова трепещут крылья, и слышим Поэзию.

11. Мы знаем, что кроме искусства существует политика. Благороднейшею политикой искусства является – внушать людям Красоту.

12. Красота – ничего не доказывает. Более того, она доказывает, что наипростейшее доказательство не требует.

Казань XX.
ПОСОХчане

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

Игорю Харичеву

В какую флешку я запихну свою седину
свои страсть и глупость любовь и безумие

я знаю что Россия это ад
но мне здесь комфортно

здесь комфортно сходить с ума
и переходить на безнадежный шепот
невнятный лепет
и что-то говорить самому себе
или Ему

зы керзы – я шепчу
зы керзы

б миллиардов человек
= один человек

Украсть – это украсть у себя
Убить – это убить себя

ФБ сильнее ФСБ

«Радио будущего» пришло в каждый дом

О Велимир
О Велимир

12.12.2013
ул. Черняховского

ХРОМАЮЩИЙ ГОЛУБЬ

хромающий голубь на улице
возле Павелецкого вокзала
больной хромающий голубь

а доктора нет
голубиной скорой помощи нет

но голубь не плачет

и ты не плачь

13.12.2013
Замоскворечье

Ярослав Вокал (Прага, Чехия)
«Конь-вихрь» (холст, масло).



Ирина Силецкая

кандидат социологии
друг ДООСа

Любовь ездока

Тихо к водопою табун пригоню,
Напою коней я, напою луну.
Конь заржет кобыле, а она – в ответ.
Видимо, любили кони, а я – нет.
Гриву тихо треплет мягкая губа...
Их дела в порядке, а моим – труба!
Не найду я душу, что сродни моей,
Чтоб меня любила и моих коней.

Ну, куда я без коней? Я – ездок!
Лишь покрепче я держу поводок!
Ну, куда я без любви, без тебя?
Видно, жить мне суждено, не любя...

К шее лошадиной, как к тебе, прильну.
Как бы мне хотелось целовать жену,

Как бы мне хотелось стаю детворы!
Но мечтать не смею я до той поры,
Ты пока не сможешь меня полюбить,
Пока не захочешь меня не винить
В моей тайной страсти к диким лошадям,
К гривам редкой масти, к мягким их губам.

Раздели со мною страсть мою, прошу!
Все богатства мира к ногам положу,
Для меня что значишь, было чтоб видней!
Одного не требуй – не любить коней!
Протяни ты руку с сахара куском.
Конь руки коснется влажным теплым ртом,
Мягкими губами поцелует... Что ж,
Если не задело, вряд ли ты поймешь...

Бахытжан Канапьянов

Алматы, Казахстан

Медный всадник

Тяжело-звонкое скаканье

По потрясенной мостовой.

А. С. Пушкин

Чу, неоновый свет напропорочил под шумящую где-то листву:
Скачет всадник по городу ночью, и – копыта тревожат Москву.
Спасся он от змеиного яда, мчится он все свои двести лет.
На бульваре не бросил он взгляда на страницы вчерашних газет.
Он к печальному богу подъедет, не по-царски, без праздных речей,
Дернув бровью, поделится медью, что осталась от белых ночей.



Классика ПО-нашему

«Слово жырау происходит от слова жыр. Тюркское слово жыр (йыр, ыр, ыыр) означает эпическая героическая песня. Декламация эпических песен профессиональными сочинителями – жырау под аккомпанемент музыкального инструмента – кобыза стала традицией степной культуры. По-русски это называется речитатив, а по-английски – рэп... Сказания жырау не записывались, а сохранялись и передавались в устной форме в народных легендах, в пересказах и перепевах от одних жырау – другим. Обладая феноменальной памятью и даром импровизации, жырау были творцами и хранителями исторической памяти народа. В особо торжественных случаях они могли сутками напролет исполнять свои жыры под аккомпанемент кобыза, рассказывая перед огромной толпой слушателей о прошлом, о великих предках и их славных подвигах... Имена великих жырау, несмотря на устный характер творчества, сохранились до наших дней... К середине XIX века эпоха классических степных жырау, существовавших более 1100 лет, закончилась».

Мурат Уали

«Хроники эпохи жырау»

Доспамбет-жырау

(1490 – 1523)

Выводя лошадей на луга заливные в ночное,
Когда в небе Венера была путеводной звездой,
Перешли рубикон мы – засохшее русло речное,
И помчались вперед, опьянённые шалой ездой,

Устремляясь навстречу с востока идущему зною,
Армакам своим разбивая о камни копыта.
Щебетали щеглы и, по-прежнему пахло весной.
Позабыли мы беды, и скука была позабыта.

Пыль клубами плыла, поднимаясь над крышами мира.
Под ногами стелились коврами степные убранства.
Мы спешили на встречу с ордою хромого эмира,
Пролетая стрелой бесконечные наши пространства.

Мы скакали, не веря гаданьям звезды-ворожеи,
Принимая раскаты далёкой грозы за литавры
И своих скакунов обнимая за крепкие шеи,
Мы с конями сливались в единое, словно кентавры,

Воспарившие к небу, из древнего мифа изыдя,
Похищая мгновения жизни, поистине краткой.
Наши верные жёны в аулах, у юрт своих сидя,
Вспоминали о нас тихим вечером, плача украдкой.

Вольно проскакал вместе с казахским сказителем по-русски

Сергей Шилкин (Салават, Башкортостан).

Евгения Князевадоктор филологических наук
Пермь**Анаграмма в структуре****«Допотопного Евангелия» Константина Кедрова**

Константин Кедров, идеолог метаметафорической школы, существовавшей в 1980-е годы, впоследствии основатель ДООСа (Добровольного общества охраны стрекоз), которое существует и по сей день, важнейшим принципом порождения и проникновения в сущность мира считает выворачивание.

Частным случаем выворачивания в пространстве текста для него является анаграмма, древнейший приём образования слов и, по мнению Кедрова, средство их «воскрешения» в наши дни.

Активное анаграммирование в процессе поэтического творчества формирует первобытное, «анаграмматическое мышление» (Баевский, 2001: 58) и способствует воссозданию мифологической картины мира. Слово-строка-текст не разворачиваются в линейном времени и даже «не возвращаются назад» (семантика лат. *versus*) традиционными способами: «эхо» рифмы, метрическая повторяемость, равностоппность, параллелизм и т.п.

Графика, ассоциирующаяся с футуристской игрой в «кубики» языка (вспомним «конкретную» поэзию), тоже не оказывается презентативной, эффектно бросающейся в глаза (здесь нет демонстрации лабораторной работы с «атомами» слова). Повторяемость звуков либо выявляет определенные буквен-

ные сочетания, «остовы» согласных, которые могут быть облечены в плоть гласных, либо фиксирует отдельные гласные, которые наделяются бесконечным смыслом, выходящим за границы семантики лексического состава строк.

По анаграммам можно вычленить ключевые слова из словаря поэта. Рассмотрим, какую роль играет анаграмма в структуре одной из самых известных, но незаслуженно мало исследованных поэм Кедрова – «Допотопное Евангелие» (1978). Сам автор не раз подчеркивал, что сознательно писал ее анаграмматическим (иначе – голографическим, литургическим, мистериальным) стихом: «Мне хотелось, чтобы имена египетских богов Озириса, Сета, Изиды постепенно преобразовывались в имя Христа». История творения мира одновременно рассказывается и как история появления Иисуса.

В начале поэмы возникает традиционный для поэзии Кедрова мотив движения по воде, которому уподоблено поэтическое письмо. Не случайно почти сразу возникает образ «рабыни-рыбыни», плывущей к Тоту, древнеегипетскому богу Луны, мудрости и знаний, а также писцу. Более того, Тот не только имя собственное, но и указательное местоимение, своего рода ориентир в пространстве культуры. В ушах у рабыни журчит и «шах-хаш», и истошный крик Иштар, аккадской богини плодородия и плотской любви. Позднее ей

Японские ученые открыли, что вся наша вселенная, вернее весь ее трехмерный объем, есть не что иное, как голограмма. Притом ухудшающегося, по мере отдаления, качества. Проще говоря, мы живем в двумерной плоскости, где и происходят реальные физические события. Все остальное – голографический мираж. Это мгновенно снимает основные несоответствия между квантовой физикой и двумя теориями относительности Эйнштейна (СТО и ОТО). Проще говоря, Эйнштейн в очередной раз оказался прав. 25 лет жизни, отданные ЕТП (Единой теории поля) не ушли псу под хвост, и мы снова на рубеже грядущих открытий.

Ну а поэты, не заикливающие на пушкинизме-бродскизме, получают мощное и весомое подтверждение своей правоты. Вселенная голографична, и голографична наша поэтика. Голограмма в поэзии – это анаграмма в звуке и метаметафора в зрении. Именно к этому я устремился в 1978 году, создавая первую



Константин Кедров с А. Эйнштейном и Н. Бором (скульптор В.С. Лемпорт). Музеон ART, 2012 г. Фото Елены Кацубы.

русскую голографическую поэму «До-Потоп-Ноя Ев-Ангел-ИЕ». Все это блестяще исследовала Евгения Князева в своей докторской диссертации и в недавно опубликованной статье, как раз подоспевшей к нынешнему событию.

Константин Кедров

было присвоено имя Пасха, в день же особого поклонения её почитатели ели яйца как символ женского и кулича как символ мужского начала. Так, в интертекстуальном поле поэмы возникает намек на Христа и его жизненный путь.

Иштар «выворачивается» в Аштарот, иначе Астарту, греческий вариант имени Иштар, заимствованный из шумеро-аккадского пантеона и часто упоминающийся в Библии. Финикийцы и вавилоняне чтили Иштар как Венеру, вечернюю и утреннюю путеводительницу по небу.

Образ Венеры возникает в «Допотопном Евангелии» не случайно, так как Кедров много размышлял о звездной символике мировых сюжетов и в своей известной книге «Поэтический космос» писал так: «Ночью солнце “замещается” Венерой. Потому и восходящее солнце – Заря, и Венера – Заря-заряница, красная девица. Ведь в сказках герои спускаются в подземное царство, входят в темный лес или проникают в хрустальную гору. Там они принимают другой, звездный облик».

«Утреннее появление Венеры означало смерть месяца, а вечерний ее восход – новолуние, воскресение месяца. Месяц же, семирогий агнец», – это Христос.

[...] Не удивительно, что вслед за образом Иштар-Аштарот, после палиндрома «уши ишу» возникает образ Иешу, появившегося на свет («уа») и потерявшего в мире («ау»). Астарт постарела, луно-луна обнулилось. Иначе Кедров ее называет Кибелой (Кивевой – отсюда анаграммы «корова ковравая / воровка коварная» (Кедров, 2012: 20), древнегреческой богиней плодородия, служители которой, доводя себя до экстаза, друг другу наносили кровавые раны и осклапывали неопитов. В поэме читаем: «а ты кровь с лезвия лизни / горько-холодно-сладко».

Смерть матери-природы близка, и спасти ее может только Озирис, на что указывают анаграммы в ее прямой речи: «сира / сирота я». Как известно, в мифе об Осирисе присутствуют черты культа бога производительных сил природы. Возникает мотив спасения, и на первый план выходят библейские персонажи, пережившие Всемирный потоп, сыновья Ноя – Хам и Сим. «Сим семя сеял / се сияет сие / синевы оратай / звуком вспахал небеса, слово засеял...»

Речь идет о Симе как родоначальнике упоминаемых в Библии семитских народов. Также можно вспомнить притчу о сеятеле из Евангелия от Матфея (глава 13), в которой семя уподобляется слову, нуждающемуся в том, чтобы его услышали и уразумели.

Слова ловятся в сети (анаграмма глагола «сеять»), из «сетей» появляется Сет – бог разрушения, войны и смерти. Слово «смерть», кстати, тоже включает в себя слова «сеть» и «сеять». Сет характеризуется как «судия небесный», «мера мертвых». По легенде он из зависти убил брата Осириса, сбросил его в Нил и занял трон. Не случайно в поэму «возвращается» образ Тота, теперь – «тотема» и «мета атома». Смерть оборачивается рождением, поэтому появляется образ Атума, древнеегипетского бога первотворения, создавшего себя самого из первичного хаоса.

Затем – образ Атона-Эхнатона. Атон – бог солнца, культ

которого ввел фараон Эхнатон. ТОТ превращается в ЭТОТ, становится посюсторонним, свет побеждает тьму, пропадают тени. Звучит приговор: «смерть мертва / атома немота».

Любимое кедровское изречение – «смертью смерть поправ» – относится уже непосредственно к Христу.

С середины поэмы начинает воспроизводиться фонетический состав слова «крест»: «Стикс стих / скит тих / скат скот / Тоска Ионы...»

Стих здесь и есть притихший Стикс, строка, вечно возвращающаяся назад. Подтверждением этому служит древнегреческое произнесение буквы Х как «кс», дающее нам слово «Стикс». Вторая строка строится на палиндроме. Скит тоже тих в соответствии с заданным принципом чтения. Четвертая строка возникает в результате анаграммирования третьей строки. Развивается же текст за счет усиления темы замкнутости пространства. Не случайно в подтексте возникает мотив выворачивания. Слово «выворачивание» не эксплицировано, но анаграмматически выражено в строке: «во чреве червленом». Конструкции «ЧРВ» / «ВРЧ» наиболее частотны в поэзии Кедрова (например, «Червь, / вывернувшись наизнанку чревом, / в себя вмещает яблоко и древо»).

Характерным в этом ряду является образ антропной инверсии человека и мира в одном из стихотворений Кедрова: человек помещен внутрь космоса-яблока, который извне точит червь (тоже человек, только вывернутый наизнанку). Здесь возникает аллюзия Державинского «я червь – я раб – я бог».

«Червонный червь заката / путь проточил в воздушном яблоке...» Червь первоначально употребляется в значении «красная полоска», появившаяся в небесной атмосфере (яблоке) и ближе к ночи поглощающая ее. С червем сравнивается Адам, вкусивший яблоко с древа познания и тем самым проточивший в себе «божественную» дыру.

Каждый образ строится на метонимическом переносе: например, яблоко «внутри себя содержит древо» (следствие заменяет причину («семья»)). К концу стихотворения в слове «червь» реализуется второе значение – «человеческая мысль». Небесная сфера соответственно оказывается рядоположной сфере мысли, которая «восьмерки пишет».

Восьмерка – модель ленты Мебиуса, строящейся на выворачивании, а также математический знак бесконечности этого процесса. Третье значение слова «червь» синтезирует первые два: червь, проникающий извне внутрь, на самом деле вывертывается наизнанку, оказывается чревом (анаграммное построение образа), способным поглотить и древо, на котором произрастают яблоки, и яблоко, сорвавшееся с него.

Так же вкусившего плод Адама, вкушает яблоко. Все оппозиции снимаются: то, что было внешним с одной точки зрения, становится внутренним с другой; то, что было активным, становится пассивным; то, что было первичным, становится вторичным и т.д. Мир утрачивает упорядоченность и стабильность, человек перестает быть только частью вселенной или ее центром в сознании воспринимающего.

Образы данного текста появляются и в стихотворении «Одиннадцатая заповедь». Яблоко Адама содержит «пусто-

ту чувств с полнотою чрева», его поглотившего. Но то, что было дано испытать Еве, – это грусть. Эмоциональная насыщенность дана только душе лирического героя, что подчеркивается параллелизмом: «Рай мой рай прорыдал Адам / Рай мой рай прорыдала Ева». Кроме того, актуализируется семантика «дыры» («проРЫДАЛ»), «зева» («ЕВА»)… Рыдание – это жизнь по десяти заповедям, «одинадцатая» – «НЕ дыши» («читается после смерти»). «Путь копья предначертан» – как будто бы копье отсекает слог, дарующий слову жизнь: «ДЫ-РА» – «ДЫши».

В поэме также возникают оппозиции пустоты и полноты, поглощения и выворачивания, внутреннего и внешнего: «кит – / червь / верченый / во чреве скит / червя время – / чрево…» Интересно, что подготавливают появление слова «время» визуально выделенные в брахиолон, создающие напряжение в равновесии слова: «Кит / Тик / Так».

Позднее, в связи с актуализацией времени будет обозначена мера: «Мера мора – / Море / Мера моря – / Мор / Ора орел – / Ореол…»

Анаграммируется, на наш взгляд, латинское изречение «*temento mori*». Кроме того, возникает звуковая аллюзия на египетского бога солнца РА. Он включается в контекст, пронизанный образными аналогиями, за счет которых смещаются не только пространственные, но и временные границы. Возникает ощущение вечно переписываемого дня творения: Ариман, зороастрийский бог тьмы, анаграмматически выворачивается в Амирани – древнегрузинского Прометея, славянский Перун оказывается светлым «рунопреемником»: «перл светозар / Ра – / разума зов / воз / четырех колес / солнечный хор колес / Четыре солнца взошли / скрипя ободьями ввысь / ползли не спеша в небеса / позванивая спицами лиц / В колеснице ехал Илия…»

Зов Ра откликается «хором колес», «пОЗВаниванием спиц». Зов / звук, оборачиваясь, становится отяжеленным предметной материей возом, однако способным к подъему. Последнее анаграмматически обусловлено и выражено приставкой в слове ВЗОшли. Происходит эпизация картины (здесь и широкий охват изображаемого, и неторопливый темп описания, соответствующий движению колесницы – «ползли не спеша»). Однако темп резко меняется с введением шутовского эпизода поездки Ваньки Холуя на ярмарку. Горизонталь, таким образом, уравнивает вертикаль (вознесение на небо), отсюда – «ВЕСЫ-НЕБЕСА». Ванька показывает «за три копейки» «ДЗЫНЬ» – фонетический перевертыш НИЗа – семантический антипод зова. Вслед за ним появляется и «ВиЗГ», и «ляЗГ», которые также «отягчаются» при анаграмматическом перевоплощении в образ «ГВоЗДя», а «ХРуСТ» и «ТРеСК» трансформируются в «ХРиСТа» «КРеСТ». Предметный и божественный составляющие мира оказываются соотнесены посредством аллюзии на новозаветный сюжет распятия сына Господа. Крест образуется за счет отображения динамики в двух измерениях. Она подчеркнута включением древнегреческого мифа в анаграмматический ряд: «Дедал делал рыдал / Икар икал лак лакал и кал».

В первой строке реализуется идея творческого взлета, во второй – «исполнительского» падения, что выражено и сниженной лексикой. Ритмичность движения вверх и вниз подчеркнута семантикой круго(коло)вращения солнца («по солнечной колее / скрипят колеса» – «ИЛия воз НЕСся») и звезды («Ехал Енох» – как известно, библейский персонаж, улетевший на спустившейся с небес звезде). Хри-СтОС, появившийся в допотопном евангелии как будущее в прошлом, как СОЛНце в языческом мировосприятии, не случайно «выворачивается» в ХРОНОСа – бога времени. Время течет вспять – «Сыновья умирают в отцах». За счет перестановки слов в строках «сумма» смысла меняется – снова возникает напряжение в равновесии: «чет и нечет / нечет и чет». Финал пронизан буквенной анафорой, выражающей замкнутость, самодостаточность времени, в отличие от одномерного, обычного его восприятия человеком. Отсюда тождественность звука, слова, его обозначающего, предмета как пространственной координаты мира с Христом: «Крест как крест / Хруст как хруст».

Возникает мотив воскрешения как выворачивания мертвого в живое, что реализуется в образном ряде: «Озириса озарение / Чичен-Ица». Озирис и Чичен-Ица – боги света (первый у египтян, второй – у древних инков), оживающие в зерне (один – пшеничного колоса, другой – чечевицы). Зерна пожирают так же, как предначертано было судьбой в античном мифе Хроносу пожирать своих сыновей: «Хронос сына ест / а сын пуст».

Время, «кусающее себя за хвост», – это и божественная преднамеренность, приведшая Христа на Голгофу, и надындивидуальное волеизъявление, определяющее меру порядка и хаоса, устанавливающее равновесие мировых сил.

Итак, мы видим, что анаграмма выступает как средство, позволяющее и акцентировать внимание на содержании, выражаемом на других уровнях «внешней» формы, и актуализировать тот смысл, который скрыт в фонетической структуре текста. Кроме того, анаграммирование становится способом организации речевого потока, направленного на обнаружение у читателя умения слышать в звучащем слове другие слова, обнаруживать их многоголосие. Так, в полной мере о полифонической природе текста можно говорить применительно к поэтическим произведениям Кедрова. Выявление анаграммы, что мы и пытались показать в процессе анализа конкретного материала, позволяет обнаружить эксплицитно или имплицитно присутствующие в тексте тематические слова, которые для поэта оказываются носителями неких универсалий художественного мира и смыслов, заключенных в них.

Литература: В. Бавский «Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы». М. 2001. Языки славянской культуры.

К. Кедров «Поэтический космос». М., Сов. писатель, 1989; «Илй». Полное собрание поэтических сочинений. М., Мысль, 2002.; «До-потоп-Ноя-Ев-Ангел-ИЕ». – «Журнал ПОэтов» № 11 (43), 2012.

Михаил Бузник

Сколько уже лет задаю себе вопрос: гениальный спектакль Любимова «Пугачёв» по Есенину... Где он?... Утонул в десятилетиях? В потрясениях зрителей, постаревших или ушедших навсегда?

Сама же «Таганка» сегодня захвачена людьми неблагодарными!

НО ЛЮБИМОВСКАЯ ТАГАНКА БЫЛА ИСПОЛНЕНА ВОЛЕЙ СИЛ ВЫСШИХ!

И на турции на небе прорастают!
Не исход – а восход!

Видение, ведения души Любимовской
сцены были трансформированы к со-
вести Вселенской, даже пробуждая её.

Стержень совести – он как лифт к неис-
чезающей энергии, которой Любимов
будил Россию!

Разве вы тогда не видели, как снег,
который ложился на крышу Любимов-
ского театра –
был с крыльями.

Израненные души ухватились тогда за
Совість,
как за колокола.

Души, отсвеченные лучами сострадания...
Души чуткие и через тысячу лет увидят
чудо: мосты Любимовской Таганки над
прозрением: мы зрячие,
мы живы...

Во время изгнания Любимов поставил в
Италии «Страсти по Матфею» Баха.
Большой крест изо льда был подсвечен
мощными софитами.

Действие шло. Громадный крест таял. Из
него капали красные слёзы.

Время дробит землю.

Любимовская Таганка исполнена волей сил небесных!

Она и ПРЕДОБРАЖЕНИЕ наше.



Юрий Любимов.
Фото **Виктора Ахломова.**
2012 г.

7 декабря 2013



Над пропастью во лжи, или Пубертатная инструкция по выживанию

Василий Останин-Головня

1. Качели.

Выхожу из дома. А там меня ждет вечер, воняющий сырой землей и свежими лужами. Небо молочно-белое. А солнце где-то за крышами роняет серебро, пытается до заката высушить сырой асфальт. Именно в такую погоду в Москве можно дышать полной грудью.

Я повернулся и пошел в перпендикулярном к Тверской улице направлении по маршруту, который был оставлен на год ровно до этого дня. Руки не поднимаются отправить наушники в уши. Грешно в такие моменты не слушать, как ботинки шаркают, и ветер шуршит над головой. Да и сами наушники покорно затерялись под шарфом.

Вот так иду, дышу, мысли особо в голову не лезут. Оно и к лучшему. И тут я начинаю замечать, что в каждом звуке, каждом шаге, каждой стене и бордюре есть закономерность. Какая-то неувлимо простая, но мозгами её не понять и глазами не увидеть. Что-то разное и непохожее. Что-то образующее своей связью с окружающим миром «здесь» и «сейчас». А я нахожусь в самом центре этой закономерности и, как ребёнок могу только чувствовать и видеть, а понять и осмыслить – нет.

Прохожу мимо детской площадки, а там качели сами по себе маятником ходят, без пассажиров. Как по инерции. Будто бы ждут кого-то. Я подумал, а вдруг меня? Может, мое место в этом загоне для будущих взрослых? Потому что слишком рано, чтобы взрослеть, и слишком поздно, чтобы в игрушки играть. Сложилась ситуация похожая на пять минут до рассвета. Когда рано просыпаться, но поздно чтобы спать. Так я оказался на качелях. В состоянии маятника. Между детством и будущим.

2. Логичная сказка.

Как часто родители говорили нам в детстве, что мы не доросли до книги или фильма. Реже, таким образом, нас от-

страняли от разговоров, не предназначенных для маленьких, незатронутых матом и пошлятиной ушек. Но всё равно мы подслушивали, подсматривали. Всеми силами старались обойти запрет. Если кто-то постоянно слушался старших и даже не думал о шалостях и нарушениях, то извините. У вас патология. Серьёзное психическое заболевание. Рекомендую обратиться к врачу.

Интересно, когда ребёнок перестаёт накапливать информацию об окружающем мире и начинает параллельно её переваривать. Проще говоря, когда появляется свой взгляд на мир? Когда мы первый раз разбиваем коленку и чувствуем боль? Или когда становится жалко бездомную собаку? А, может, когда мама и папа ругаются на кухне? Ещё вполне вероятно, что после фразы: «я с тобой больше не дружу». Конечно же, сейчас многие из вас думают, что одной причины не достаточно. Перед событием следует целый комплекс причин и ситуаций. Так ещё и фактор случайности падает сверху. В задницу этот школьный бред! Вы просто попытайтесь вспомнить, не задумываясь. Когда в ваших чистых детских глазах появилось помутнение от вопросов «почему?» и «как?». Когда в ваших чистых детских глазах появилось то, что называют разумом.

Кстати, со времени Иисуса невиновных нет. Так что можно очень просто объяснить безумную жажду взрослых воспитывать детей. Готовить из своего потомства полноценных членов общества. Это из-за жажды мести. Пускай неосознанно, но всё же. Когда-то и родители «стали взрослыми», как говорится. Когда-то и они лишились чистого взгляда на мир и приобрели собственный. Но не всё потеряно. Никогда не поздно начать сопротивляться. Например, старческий маразм. Лучший метод в данной ситуации. Старики и дети. Вот кто должен объединиться против действующих запчастей механизма. Они настолько добры, что не могут и подумать о преступлении или злодеянии. Им не нужны законы. Потому что старики и дети не могут со-

вершить того, за что наказывают. Преступление – это удел человека разумного, дееспособного. Если шестеренка вне механизма, то и вылететь со своего места она не может. Крайне логично, по-моему. Люди же любят логику? Да? Тогда вот вам логичная сказка!

Один парень постоянно сидел на обочине, вытянув длинные ноги поперёк дороги. Ноги вполне пригодные для ходьбы и бега. Он постоянно искал оправдания для своего статичного положения. И главным оправданием служила любовь к созерцанию. Мол, создание движения это не для него. А вот красота движения просто создана для его глаз. Сидел паренёк днём и ночью, в зной и мороз, в дождь и град. Сидел, пока однажды случайная проезжая машина на огромной скорости не переломала к чертям собачьим его вытянутые ноги. О! Сколько криков, стонов, проклятий и молитв он тогда напрасно разбрызгал во все стороны. Сначала умолял Бога и дьявола унять боль, потом умолял вернуть ноги. Но в итоге, не дождавшись ответа свыше, от отчаяния он пополз по дороге. Весь в слезах, оставляя за собой жирную кровавую полосу. Пополз по дороге вперёд. Через пару дней парень сдох в мучениях от заражения крови и газовой гангрены. Почему? За что? Ответ прост. Этот идиот попытался пойти наперекор судьбе и порядку вещей и не смог защитить себя. Не смог стать сильнее потока и очевидности. Интересно, на что он надеялся? На удачу? Или просто хотел соответствовать образу романтического революционера-реалиста, который требует невозможного. А может, начитался умных книжек неудачников-писак и поверил в высшую идею, нашёл смысл бытия. Впрочем, какая разница? Есть следствия – причины не важны.

3. О потерянном времени.

Когда все вопросы будут заданы.

Когда ответы будут кое-как получены.

Когда все комбинации слов будут произнесены, написаны и напечатаны.

Когда все виды и образы будут запечатлены на картинах, киноплёнках и фотографиях.

Когда все роли и сценарии будут сыграны.

Рыбы сбегут из зоомагазина. Ведь у этих молчаливых обитателей водной среды давно придуман и согласован план побега.

Ну а пока они следят за временем. Это единственное, что у них получается лучше всего.

Следят, чтобы не убежало.

И потерянное время послушно стекает к ним в аквариум. А рыбы пропускают его через жабры.

Ловят свою дозу кислорода, чтобы ещё немного, ещё чуть-чуть приглядеть за временем.

Действительно. Кто если не они? Кто если не рыбы?

И серьёзным упущением дождь ложиться в лужи. Потом тщетно цепляется к подошвам.

Несколько сотен капель умещаются в три следа. В три отпечатка на асфальте.

Вот оно. Вот ваше потерянное время. Уложилось в три отпечатка на асфальте.

Но иногда лужи устраивают ловушки для плохо защищённых ног. Лужи становятся глубокими, и ботинки наступают на самое дно. Каждому ботинку суждено хлебнуть воды из лужи.

В таких ситуациях потерянное время может наградить вас простудой. Именно наградить. Да, да.

Во время простуды у нас появляется много весёлых друзей. Насморк, кашель, повышенная температура, озноб, головная боль. Скучать не приходится в такой компании.

А потом человека начинают лечить.

И по пищеварительному тракту начинают своё победоносное шествие таблетки и микстуры. Таблетки и микстуры – главные враги всех весёлых компаний.

Из-за этих гадов незапланированный отпуск обрывается в самом приятном месте. Обращивается скорейшим выздоровлением.

Градусник заползает в свою нору. И только его грустная морда периодически провожает владельца взглядом.

Но самое обидное это выздороветь в воскресенье. Потому что завтра – неизбежное наступление понедельника. Завтра начало рабочей недели.

И только у рыб нет выходных. Или рабочих дней. Неважно.

Они следят за временем.

Они ждут побега.

4. Баррикады.

На баррикадах границ и крайностей начинается новая бойня. Жакерия, заигравшаяся в разумных существ, тщетно пытается выйти за пределы своего потенциала. Вчерашние союзники пожирают себе подобных. Зубами рвут глотки. Молекулы бегут из сетки надоевшей материи. Но переплывают в другую. И ветераны столетних споров видят в них достойное продолжение дела своего, рода своего. Восхищаются. Гнусные ублюдки, защитники запылившихся форм глядят на мир через шаблон оценок. А вокруг стрельба, резня, взрывы, крики, стоны и мольбы о пощаде. Каждый верит в своё предназначение. Каждый верит, что он избран, и осколки случайного снаряда его не тронут. В глупости признаться легче в луже собственной крови, чем попытаться, ещё дыша и твёрдо стоя на ногах, сделать усилие над своей ленивой тщеславной задницей. Воняет надеждой и упрямством. Ярость благородная окончательно вынесла остатки серого вещества из голов, опьянённых праведным гневом. И солнце краснеет ярче прежнего в густом дыму пожарищ. Непонятно стало: утро или вечер, день или ночь. Свято хранимые рамки рухнули под напором обороны их неприкосновенности.

И дипломаты между сторонами курсируют, несмотря на шквальный огонь. Тут уже хрен разберешь, где жарче: между пуль или между словесных баталий особо зазнавшихся чудил.

Но всё придумано кем-то из наших. Кем-то из Нейтральной Зоны. Потому что при нехватке сил лучший способ жить – это обходить драку стороной в поиске точки для лучшего обзора.

Некоторые таланты умудряются составлять целые панорамы из обломков чужого имущества. От гранитных постаментов до святых мощей стоят неуязвимые наблюдатели. Даже трудно подумать, что один из них дал повод, спровоцировал конфликт большинства. А ведь границы Нейтральной Зоны открыты, и гражданство получить проще, чем попасть пальцем в нос. Лучший способ жить в порядке и при законах – отказаться от них и прислушаться к совести. Нейтральная Зона – это пространство без времени. До неё дотронуться почти невозможно. И снаряды летают мимо. Осколки адреса не знают.

Над последней уцелевшей стеной показался в дыму силуэт. Безликий устанавливает флаг своей победы. Без цвета и рисунка. Без формы и идеи. Он выбывает из игры победителем. Не уронив ни капли крови: ни своей, ни чужой. Не потратив и грамма свинца. Не понохав пороха. Только с этой стены можно увидеть Нейтральную Зону. Только с этой стены Безликий смог плюнуть на прошлое, показать средний палец будущему и шагнуть к нам, за горизонт. Он понял, что нет ничего более похожего, чем внутренний мир. Единственный способ выделиться – это открыть своё лицо и тело. Он шагнул и засмеялся над разделёнными небом и землёй.

Плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю. Механизм самоуничтожения цивилизации запущен. Раковая опухоль планеты прогрессирует. На баррикадах появились первые поэты. Стоят на трупах и обломках и воспевают наперебой друг другу прошлое с будущим.

А истины так и не прозвучало. Значит, настанет время пророков. Потом часы святых, минуты праведников и секунды верующих. Они будут верить в войну и террор. Сдерживание оружейного приоритета врага накапливанием собственного. Что может быть ещё смешнее? Но тут возникает наука и доказывает всё, что надо доказать. Классический расклад. Некоторые на Нейтральной Зоне начинают скучать. Скоро они придумают свою сторону в конфликте и ради шутки подключатся. Но не только веселье из этого выйдет, ещё и польза будет. Авось, кого-нибудь завербуют на нашу безъядерную сторону. Лишь бы новобранцы с ума не сошли от блаженства и спокойствия.

Нейтралитет – дело добровольное. Как и монашество в Тибете. Хотя иногда кажется, что приговор к нему был бы эффективнее пыток и смертной казни. Ведь шило в заднице никто не отменял. Обезьяна уже взяла палку в руки. Значит бойня между баррикадами продолжится. Достойное зрелище. Некоторые меняют свою принадлежность. Некоторые меняются паствами. А ещё более хитрые и изобретательные создают новые братства и товарищества, они-то и ближе всех к Нейтральной Зоне. Главное, чтобы вовремя свернули с тропы войны. И самое главное не увлечься трубкой мира. Иначе отрицание конфликта просто станет ещё одной стороной в нём. Так-то. Что? Нигилизм? Святотатство и богохульство? Я вас умоляю! Просто временное просветление и переходный период.

5. Инструкция по выживанию.

Оставь все сомнения и страхи. Оставь брненное тело и уставшую плоть. Оставь мечты, попытки и зараженный логикой

разум. Оставь себя здесь и сейчас. Потеряй. Забудь. Всё ради иллюзорного будущего и оправдания надежд любящих тебя людей.

Так смелее! Оставь всё, что мешает тебе. Сбрось, как горы с плеч. Тебе даже не придётся думать. Только труд! Только желание! И время помчится вперёд, когда расписан каждый день. Когда всё решено другими ради твоей долгой счастливой жизни. Вступай в армию порядка. Стань частью звена живущих по предсказанной на века и тысячелетия вперёд истории. Оставь себя здесь и сейчас. Всё ради иллюзорного будущего. Всё ради оправдания надежд.

Но чьи же надежды ты будешь оправдывать? Как это прекрасно. Нет более великой добродетели, чем самопожертвование. Так жертвуй скорее своим сознанием и душой. Порадуй любящих тебя людей. Убей сознание ради оправдания надежд. Убей себя ради иллюзорного будущего. Оставь себя здесь и сейчас. Но сохрани тело, как немое доказательство своей правоты. Пусть это станет последним протестом.

6. Раскопки.

Окупись в зазеркалье. Провались в глубину неизведанных зрачков. Осознай здесь и сейчас с восьмой точки зрения. Стань тринадцатым апостолом своего сознания. Возможно, захочется обнять землю. Что же. Падай. Обхвати необъятные руками. Впивайся в самое родное пальцами. Старайся забить чернозёмом карманы. Смотри не закопай себя сам.

И лицо пошло по кругу. Завертелось подобно секундной стрелке на часах. Собственное отражение больше похоже на картину какого-то обкурённого хиппи. А тело заполняет пространство. Или пространство сужается до размеров черепной коробки. Коробки с хламом. Пора разобрать себя на части. Крепко разворотить пыльные объекты памяти. Это поможет убить стыд за прошлое. И научит смеяться над будущим. Окопаться в настоящем. Смотри не закопай себя сам.

Каждая извилина серого вещества заполняется. Но не просто. А соответственно порядку. Слева книги. Прочитанные. Около сотни. Справа фильмы. Просмотренные. Около двух сотен. Снизу маршруты. На каждый день. Чтобы не заблудиться и другим дорогу подсказать. А там. Сверху. Пусть будет чёрная дыра. Только наоборот. Третья её сторона. Она будет всё время выплёвывать, выбрасывать, ломать, крушить, разбрасывать хлам по вроде бы установленному порядку в голове. И ты станешь вечным слугой собственного разума. Грузчиком поступающей информации. Всего лишь обслуживающим персоналом тела. А вот тело как раз найдёт своё место. Реализует себя как часть общества. А ты роешься всё в новом и новом, поступающем извне в мозг хламе. Расставляешь соответственно порядку. Смотри не закопай себя сам.

Говорят, срубленные головы стремительно умнеют. Это правда. И тоже с твоим больным разумом. Да. Ты осознаешь совокупность души, разума и тела только предварительно потеряв их. Только когда хорошо засмеется последний – станет понятно, что произошло. А на отпрыски из головы цена ещё

поднимется. Или нет. Может, их в банках будут продавать или на развес. Такого ещё дожидаться надо. Пока ройся споконно. Не война вроде бы. Мир. Как слышно в последних новостях. Стабильность. Смотри не закопай себя сам.

А время идёт. С косой. По полю торчащих голов. С намертво закрытыми глазами. Толи смотреть разучились. То ли не хотят: То ли от природы не дано. А рты кричат: «Я вижу! Вижу! Я первый увидел!» И время-то смеётся. Оно и первое, и последнее, но смеётся в любом случае хорошо. По крайней мере, лучше торчащих голов. И выборочно машет косой. Отправляя счастливых полетать снаружи всех измерений. А потом назад. В поле. В новое тело. К кричащим собратям. С «новым» «Я». А время-то смеётся. Выучило уже вторичных клиентов. Только вот бывают раз в тысячелетия выскочки, сумевшие открыть глаза. Их головы сами убивают. Но время берёт их к себе в помощники. Они косят точат. Поливают посевы. Аккуратно стригут волосы. Те, кто открыл глаза, стократно святы. Они могут смотреть вокруг. Смело. Только вот скучно становится. И по своей воле смотрящие возвращаются в землю. Возвращаются в замкнутый круг. Выздоровливают. Смотри не раскопай себя.

7. Реинкарнация.

Затяжной прыжок из утробы в могилу завершается пространством между землёй и космосом. Подготовка к оглушительному возвращению в жизнь. Реинкарнация грядёт. Наверно. А может, и нет. Просто руки забыли то, что раньше получалось лучше всего. Вот и приходится проповедовать однодневные истины самому себе. А соседи все на свой счёт принимают. Разделились на четыре лагеря. Первые – против, ненавистники. Вторые – согласны, воображают себя апостолами. Третьи – жалеют, хотят вылечить. Не люблю таких. Четвертые – равнодушные. Дай Бог им остаться на месте. Дай Бог сил сильнейшим. Хватит думать вслух. Время завершить эту случайную выставку.

Вот и приходится метаться между двух огней. А они глядят этими бездонными голубыми глазами. Обжигают языком пламенных улыбок. И каждый тянет в свою сторону. Но однажды утонувший не сможет сгореть. Благие цели. Чистые мысли. Яркие чувства. Как будто навечно. И обещают долгую счастливую жизнь. Интересно. А эти два огня знают друг о друге? А если узнают, то как будут гореть? И будут ли вообще? Ох. Возможность для нового эксперимента. Заманчиво. Но слишком глупо отказаться и слишком страшно, чтобы взять. Продолжаем висеть. Ждать реинкарнации. Входит в привычку. Вредную или не очень. Пусть с этими понятиями разбирается организм. Я тут не причём. А что если новая жизнь уже не станет чем-то особенным. Ограничится рутиной и планами на образование и семью. Сквозняк перестанет гулять через уши. Призма моих убеждений перестанет висеть между глазами и пластмассовым миром. И больше не придется просыпаться в новых местах. И больше не придется думать вглубь ширины. Только лево, право, вперед и назад. Классическое трехмерное пространство. Обязательное

для всех. Уж лучше камнем с моста, чем всё по местам. Порядок никогда не перестанет противоречить жизни. А жизнь никогда не сможет победить порядок. Это как свет во тьме. Как первый день сотворения мира. Как первое слово никем не услышанное. Но принятое на веру.

А что если вообще нет во вселенной плюсов и минусов, хорошего и плохого, горячего и холодного, света и тьмы, добра и зла. Что? Не нравится такой расклад? Раздражает? Ну вот. Чтобы собрать воедино себя начни хотя бы собирать осколки раздражения. Посмейся над гневом и яростью. Переверни полюса. Откажись от логики. Перешагни через границу старой истории, долга, чести и традиций. Ты не выбирал кем, когда и где родится. Так что насильно попавший в чужой монастырь имеет право не только на свои правила, но и на революцию. В отношении между людьми. В обществе. Нет ничего важнее воли одной личности. Всеми силами сопротивляйся. Пленных не бери. Сам не попадайся. Аминь.

8. Земля обетованная.

Не нужна надежда. Не нужна вера. Это выдумки. Это самообман. Дешёвая иллюзия, которая задержалась в нашем сознании. И самый сильный страх – страх отказаться от последнего раза. От последнего вдоха. От последней сигареты перед расстрелом. И ложь появилась раньше. Правду противопоставили. Безо лжи правда не нужна. Всё и так очевидно. А ложь – это результат призмы, что засела в нашей голове. Чаше бейтесь головой. Чаше падайте на голову. Разбейте призму внутри. В самый полдень душного дня. Дня, который пришел в обнимку с дождём, а расцветает за счёт ясного неба. И ни намёка на облачко. Люди в чехлах выделяют пот. Среди тел нет исключений. Майки мокнули. Рубашки липнут к спине. И что задыхается от суевы во мне. Хохоча. Громко перебивает мысли. И на глазах повисли гири тяжелых сновидений. Которые ждут за чертой опущенных век. Которые тянут все тело ближе к земле и твёрдой поверхности. Твёрдой, как неоспоримые догмы всеобщих убеждений. Однако всегда найдётся тот, кто попробует их раскусить. Тот, кто кинется на великую китайскую стену без рук и без ног ломать остатки зубов. И оголённые нервы цепляются за камни. Десна рвётся на клочки кровоточащей кожи. А язык их нежно гладит. А язык не верит, что больше нет его великой зубной стены. Никогда отныне. Ни за что с этого мгновенья не станем верить. Чтобы не обещали. Чтобы не дарили. Не верьте. Не надейтесь. И тогда останутся факты. Чистые. Осязаемые. Те, которые искали тысячи лет. Они упадут к вашим ногам. А растоптать или нет – ваш выбор. Ибо не будет веры и не будет надежды. И пророк обещанный воплотится в каждом из нас, каждом из вас. И библейские страницы покажут свой оскал. Признают статус мифа об истории одного весёлого народа. И безудержная радость. Твёрдость металла. Нескончаемость ночи после войны подтолкнет людей на край раздувшейся Луны. Чтобы каждый сделал маленький шаг для человека и шаг, не имеющий уже никакого значения для человечества. Чтобы каждый сумел покинуть пределы сол-

нечной системы. А на память впервые свободно вздохнувшей Земле останется фотокарточка, где безликий бледно улыбается на фоне водопада и серой горы. Да это же я и ты! Да это же он и она! Вот так тебе на. Орущие язвы тают на глазах. Бах! И спокойно. И уже всё равно. Можно умыться холодной водой. Можно закрыть глаза. И вся моя глупость обличается на фоне чёрных кулис. В преддверии сна. В преддверии обещанных земель заново свободному человеку. И сорок лет среди песков кажутся новорождённым одним днём. И сорок лет среди песков кажутся замороженным затянувшейся прогулкой. И капля пота падает с виска на раскалённый камень. Тут же испаряясь. Исход? Нет. Начало нового витка спирали истории. Нового витка нитки на катушке вселённой. Смотря себе под ноги, не заметишь звёзд над головой. И только тень разделит сумраки и свет. А отражению в ответ из пересохших уст упрямо: «Нет».

9. Второй полдень нового дня.

Наглые пигмеи лезут своими до неприличия худыми длинными ручонками прямо в тарелку. Из-под ногтей сочится грязь. Их выпуклые круглые блестящие глаза сочетают в себе всю боль и страдания этого мира. Однако если приглядеться, то в них можно прочесть ненависть. Ненависть к тебе. К тому, кому чуть больше повезло в жизни. Но тот, кому больше повезло, не виноват в своём везении ровно так же, как пигмей не виноват в своей нищете.

Вообще вина принадлежит кому угодно только не нам. Значит пора расправиться с противным чувством сострадания и жалости. Спасение утопающего дело рук самого утопающего.

А дождик тем временем моёт дорогу, по которой суждено пройти белым ногам невинности. Кто-то старательно бьёт стекло. Кто-то подметает каждую пылинку. Но солнце, известно, на чьей стороне. И даже сквозь тучи старается проливать свет на острые осколки. Иглы лучей протыкают глаза забывшихся в подвалы ночных тварей. Торпедные ноты вырываются из окон на третьем этаже. Под мостом размножаются круги на воде.

Но вот появляется второе светило. И громогласно предвещает новый день. Хоть и опоздало на три минуты. Остаётся бежать через канавы и вековые сугробы. Сугробы то ли снежные, то ли из костяной муки предков всего человечества. Колокола хотели забить набат, но подавились собственными языками. Люди в панике стараются ничего не замечать. Только глаза вылезают из орбит. А где-то вдали звенят пустые бутылки. Становится страшно. Второй полдень нового дня. Пора отчитаться перед своей верой за отпущенное тебе время. А время-то потеряно бездарно. Стыдно.

И вот некоторые забиваются под стол. Закрывая все четыре стороны света стульями. Ждут родительского ремня. И плачут. Жалко свои задницы. И вот появляется родитель, но без ремня. Дети перестают лить слёзы на ковёр и вылезают из убежищ. Убежищ, которые, казалось бы, могли перенести прямое попадание гнева Божьего. И вместо наказания в беззубый рот отправляются леденцы. Цветы на могиле

родителей забывают о своей вине. Допускают потом старые ошибки. Но будет второй полдень нового дня, и ремня не избежать. Кто же виноват? Забывший или не наказавший? Вот так вопрос.

А невинность тем временем шагает к своему концу по дороге. Битое стекло терзает ноги. Кровь смешивается с грязью и землей. Дождь не успел очистить путь. Похоже на шествие Христа к Голгофе. Только креста не хватает. Да и спины нет, чтобы нести его. И грехи не искупятся, а только родятся. И не будет воскресенья. Будет перерождения невинности в логику и разум. Перерождение в две самые жестокие вещи. А тем временем кто-то устроил справа книжный развал. Неплохо бы порыться там. Заодно и время убьём, и деньги потратим. Оказывается, что и убийство требует жертв. Где-то говорили об этом. Да и можно ли вообще сказать новое? Не пришёл ли момент, когда надо лезть через медные трубы? Только чёрные дыры заполняют утробы вторичными проявлениями творчества и труда. Всё вторично.

Два светила, новое и старое, встречаются и образуют единый световой круг. Но даже он не способен согреть все стены. Потому что стены тоже борются за место под солнцем. Пора! Второй полдень нового дня даёт команду часам себя провозгласить. Оглушительно, ярко всей своей мощью жар двух светил несется по планете. И все те, кому повезло, и все те, кому не повезло, образуют единый разум. И наконец-то клетки организма перестают тянуть одеяло каждая на себя. Наконец-то клетки организма перестают быть раковой опухолью. И все решилось чужой волей. Волей высшего порядка. Волей второго полдня нового дня.



Персонаж картины
Кандинского 1941 г.

Маргарита Аль

ДООС – стрекозаль

я зеркало-сачок теней коней полупрозрачных
глазное яблоко надкусанных чудес
янтарные часы в пространстве смол ствола вселенной
я вечное виденье
я – избыток слов

окно
последний лайнер в этом круге
словами выслан мир
и что там за звездами
немыслимым горим
не потухая

я заблудилась
я плыву
в зеркальном отражении звёзд
и крыльями вплетаюсь в млечный
путь

на острове когданибудь
в харчевне гденибудь
среди хрустальных крыш и фонарей
я буду пить вино
и плакать о себе
горстями рук
так
будто всё уже произошло

Андрей Коровин

ДООС – крымозавр

воспоминание о Петербурге

это тень Эрмитажа в стоячей воде
кто там прячется? – белая ночь
заползает рассвет в перезревшую тень
у атлантов в руках – по заточке

мы завидуем мёртвым покуда живём
но у них непростая работка
быть булыжником деревом или ручьём
или паузой музыкой кокоткой

катерок дребезжит замечая следы
скачет всадник по пенному следу
не желаю тебе ни венца ни беды
уезжаю уехал уеду

Ольга Лебединская

ДООС – одуванчик
Днепропетровск, Украина

Сегодня утром снился звон,
Как всадник, мчащийся
по небу,
Едва-едва касаясь крон
Летел, и, может, звоном
не был.

В лохматой, тесной темноте,
Щетинившейся мехом шубы,
Звон утро объявить хотел
Дыша во все нагие трубы.

Он плоть обрел, как человек,
Терзал снега моей постели,
Святым лучом касался век
И растворялся в сонном теле

Он, яркий петушиный крик,
Ворвался в душу, рвал на части
И, утешая, в тот же миг,
Как новоявленный жених,
Всё обещал любовь и счастье.

Меня, растрепанную вразг,
В ночной рубашке – колотило,
Я исходила звуком. Силой
Меня нещадной уносило
В расправленной тоски экстаз.

Затеplился мохнатый день.
Домишки стали улыбаться
В окне. И мощности вибраций
Хватило, чтоб собой остаться
И затесаться меж людей.



Всадница из картины
В.Кандинского «Амазонка»,
1917 г.

Конь Клодта пытается догнать
амазонку Кандинского.

Борис Гриневич

Саров

Точильный камень

Берёт разгон точильный камень
Сноп искр летит из-под ножа.

И снова наше детство с нами:
Рабочим шагом, не спеша,
Заходит лошадь на подворье,
Мужик кричит: «Старьё берём».
Несут, шумят, о чём-то спорят;
Сдают бумагу, тряпки, лом.
Свистульки, шарики в награду,
А рядом точатся ножи.
Взлетают искры, чтобы падать,
И сталь от счастья дребезжит.

С тех пор, когда порой над крышей
На тёмном небе звездопад,
Смотрю сквозь лики звёзд и вижу –
Три Парки ножницы острят.
Опасно с Мортою соседство;
Тревога память бередит,
И шарик, возвращая в детство,
Кричит: «Уйди, уйди, уйди».

Ия Кива

Донецк, Украина

На современность не хватает времени,
Несовременна я, несвоевременна.
Чужой эпохи лошадь не по стремени
Несёт меня, но как-то неуверенно,

А, может, поезд мой с билетом купленным
Умчался прочь, кряхтя суставов сгибами,
Взметнувшись в небо голубем испуганным,
Туманясь перьевыми переливами.

Пешком хожу – так все пути развязаны,
Хоть мелок шаг, а всё-таки движение.
Я временем раздавлена, распластана,
И что ни мысль – то головокружение.

Григорий Натапов*Унтильный
дневник*

Я по натуре сводник.

«Дон Кихота» читал один раз в далекой юности, и рассуждение героя о благородстве призвания сводника запомнилось как нечто обращенное лично ко мне. Вспоминая это рассуждение, я иногда думал, что, может быть, оно вообще мне прирезилось.

В отрочестве я прочел роман Стивенсона «Катриона». И много позже, когда уже забыл его содержание, во мне живо сохранялось пережитое при чтении ощущение необыкновенно волнующей и сладостной атмосферы.

Как воспоминание о девушке, с которой провел только час и успел в нее влюбиться. И черты ее, как черты ангела, – нематериальны. Светлый дух.

В поисках места обитания этой атмосферы я у всех спрашивал, не встречалась ли им эта книга. Метался по табору улицы темной...

Наконец, я нашел ее! Он оглянулся!

Прочел несколько страниц. Содержание всплыло во мне.

Но Катриона! Аромат ее образа исчез навсегда, да и роман оказался посредственным. И то, что голубка вернулась в царство теней, было, конечно, провиденциально.

Вот и не сверяю своего воспоминания с текстом Сервантеса, — боюсь что-то потерять.

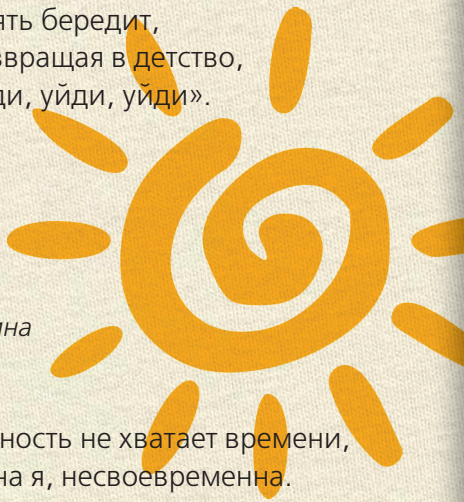
*Кстати такой полумрак
для девушек скромного нрава...*

Она приходила и ложилась ко мне в постель. Я лежал рядом и не касался ее. Лицо ее слегка лоснилось от крема, в ушах были продеты какие-то веревочки. Она только что проколола уши для сережек. Вспоминаю (а, может, воображаю) комбинацию из розовой вискозы.

Ничто меня в ней не отталкивало. Это была в прямом смысле сказочная близость. Глубокая и сверхчувственная. Без духов и туманов. И фон минималистский. Небольшая комната и кровать. Полумрак.

– Мне раньше не нравилось твое имя, – говорила она, – хотя так зовут моего отца. Но потом я его полюбила, когда у меня появился кавалер, которого так звали.

Я молчал. Я всегда с ней молчал. Говорила она. Помню, что



слово кавалер поразило меня.

Перед расставанием она пришла проститься. Одета, необычная, в сопровождении подруги. Я опустил глаза и молчал.

– Какой же ты стеснительный!

Так мы расстались...

Однажды, когда мы лежали рядом, она рассуждала (вечные глаголы – нетронутые временем хранятся в святая святых!):

– Ты знаешь, мы вполне можем пожениться. Ведь мне только восемнадцать. Через десять лет мне будет двадцать восемь, а тебе восемнадцать.

Я молчал.

Думаю: если что-нибудь и будет привязывать меня к этому миру, когда я буду в мире ином, так это ее планы. То, что мы здесь проживем, соединенные золотой нитью, в разных пространствах, не оборвет эту нить, а сделает ее тонкой и скрытой. А в том мире только такие связи и могут существовать. И томление душ приведет нас к гилгулю [гилгуль (ивр.)

– метампсихоз], и оно будет водить нас, верных неосознанной тайне нашего повторного существования, и нам будет присуща некая странная и почти незаметная внешне отрешенность, которая исчезнет при встрече. Но какое это будет пробуждение! Прав Гете в своем высокомерии, когда говорит, что бессмертие уготовано не всем, а только энтелехиям – ему, Данте, Шекспиру, Моцарту... Вот и гилгуль, лишь для тех, кто тянется назад, кто оставил здесь что-то очень ему дорогое, без чего жизнь не завершена, не состоялась, и ради чего он стремится к успешному повторению подвига Орфея.

жизняночка и умиранка...

Бабочка в конце лета залетела ко мне в комнату и, сев на дощатый потолок (я жил тогда в деревне), сложила крылья и уснула. Или умерла. Вечерами я с некоторым любопытством смотрел на нее перед тем как заснуть. Я полагал, что умерла. Неверный взгляд, что ты живешь лишь сутки, и много грусти в шутке творца, влиял на меня.

Сезон кончился. Я с семьей уехал в Москву. Через неделю вернулся на несколько дней. Бабье лето!

Когда я просыпаюсь и открываю глаза, первое, что вижу, – лик Николая Мирликийского, смотрящего на меня с образа деревенского письма.

И я увидел, что, спрятав головку за икону и распластав крылья, прицепилась к стене и застыла (умерла? уснула?) еще одна бабочка. Дом зимой неотапливаем и пуст. Они рассыплются или, еще хуже, оставят за собой личинки гусениц, подтачивающих новый дом! Я взял ту, что за иконой, и бросил ее в окно. К моему удивлению она полетела и повисла, зацепившись за ветку. Ту, что на потолке, застывшую

в более естественной позе, со сложенными крыльями и не ушедшую с головою в бурнус, я не тронул. Через день, когда я утром сел за письменный стол перед окном, обращенным к лесу (лучшие минуты моей деревенской жизни), на занавеске я увидел бабочку, оставленную мною на потолке. Мне стало не по себе. Чего она хотела от меня? Просто полетела на свет, чтобы вновь оказаться ближе к той, отыскавшей ее в моей комнате, или выразить мне упрек, смешанный с просьбой о помощи? Я выпустил ее, обеспокоенный, в то же окно, что и первую.

Душе нужно совсем немного для обитания в покинутом мире. И если душа мамы прощалась со мной, облекшись в плоть синицы, влетевшей в форточку, то почему души тех, планирующих брак, не могли захотеть ощутить мое дыхание, мое тепло?.. Но множественна ли душа? Они, эти бабочки, казалось, были связаны невидимой нитью. И кто же ее порвал? Где же эта хваленая чуткость, о которой ему говорили женщины? Тот, с лирой в руке... он сделал свой подвиг бесполезным, сдавшись на уговоры стенающей возлюбленной... но этот!..

Урок ксенофобии

Сказал некий некоей о некоем: он человек тонкий, но в жене его, сколько ни приглядывался, этой черты не обнаружил. Как живут?

Передала она ему это замечание.

Задумался...

О чем речь?.. Хороша ли черта?.. Почему ценят?..

Кому присуща?

Начал с конца отвечать.

Кому присуща? Евреям и цыганам. Проницательны иногда до омерзения. Человек подумать не успеет, а у них все готово... и торжествуют. Бесактно лезут, куда их не зовут, да еще не скрывают своего подглядывания, вон я какой Мессинг (тоже, кажется, из евреев). Не поэтому ли их Злодей объединил в своем злодействе?

Почему ценят? Так они же в основном и ценят. Еще женщины бесстыдные, которые любят, чтобы у них в нутре копались.

– Где же я такое понимание найду? – стонет, когда ее оставляют. Тьфу. Другие народы как? Сознание преодолевает бессознательное. Воспринимаю то, что сказано. При дневном свете. Думаю. Творю.

Хороша ли черта? Получается, что если и хороша, то для них же только самих, вышеозначенных.

И стали искусство на этом строить. Слишком понятно, – говорят, – чтобы быть хорошим! Потемнее, потемнее, потоньше... оставьте место комментаторам. Солнцем не называй. Вынесли... на черных носилках.

ночь кадит маневрами паровозов...

После отъезда медсестры я пролежал там несколько дней, томительно долгих и голодных. Это был карантин в пионерлагере после скарлатины. Вечерами я и еще два мальчика ходили по пустой больнице в поисках пищи. Не находили.

Было это где-то под Курском. Для родителей приезжать за мной слишком дорого. Как-то договорились с женщиной, так же задержавшейся из-за скарлатины, что она возьмет меня с собой в Москву. Запомнилось, что она приятно полная и стрижена наголо.

Поезд отбывал впечатляющей, теплой ночью... Мы сидели около путей. Платформы не было... Когда подъезжали к Москве, а затем шли вдоль Пушкинской, моя провожатая несколько раз повторила: «не забудь, скажи родителям, что я потратила на молоко для тебя 16 рублей».

Когда пришли, родители, горячо поблагодарив женщину, бросились ко мне. В руках у мамы была лохматая сумочка-собачка, в которой лежало яблоко.

Вытащить его удалось не сразу, и женщина, почувствовав, что она здесь лишняя, попрощалась и вышла. Через минуту я вспомнил о просьбе. Брат бросился догонять.

Ее искали. Не нашли.

... Всё краснофигурные вазы...

... Всё грезится протянутая рука вслед ускользающей тени.

И имени ее я не могу вспомнить...

...всюю оставил мя еси?

Брат мой Лева учился тогда в 10 классе, следовательно, ему было 17 лет, а мне, соответственно, 10. Летом 1949 года ему поручили быть вожатым городского пионерлагеря. С ребятами 12-14 лет из 636-й школы, которых набиралось человек десять, он должен был провести день, пока родители были на работе. *Нашелся на рыб звукопас...*

Иногда мама подкидывала ему меня. Запомнил я, собственно, только один проведенный с ним день, но на всю жизнь.

Собрались в саду Эрмитаж; там был кинотеатр – большой деревянный барак. В тот день показывали «Чапаева». Решили пойти на него, но деньги были не у всех. Скинулись. Хватило на половину пришедших ребят. Лева с интонациями полководца объяснял стратегию прохода:

– Идем на «протыр». Входим, когда начнет гаснуть свет. Первыми идут трое с билетами, за ними безбилетники, а в конце оставшиеся обилеченные ребята.

Теперь я понимаю главную ошибку этого плана. Распреде-

ление ролей не было продумано. Без билетов шли те, у кого не было денег, а не те, кто был пошустрее и постарше.

Пошли. Я был с билетом. Войдя, я увидел, что свободных мест много. Из-за моей спины рванули безбилетники, да и я торопился занять место.

Свет гасился при помощи реостата медленно, и это всегда вызывало у меня волнение. Яркий солнечный день прорывался в зал через закрывающуюся дверь. Расторопная билетерша успела схватить одного мальчика.

Но почему именно он? За какие грехи мира?

Безгласен он не был. После отчаянной, но безуспешной попытки вырваться из цепких рук фурии он пронзительно закричал: «Лёо-ва-а-а!». Звал *моего брата*.

Все уже сидели, свет погас, двери закрыли. Два часа одиночества и оставленности...

Фильм начался.

Но крик...

Still is sitting, still is sitting...

Примерно в это же время к брату зашел его друг Витя Елисеев, но застал дома только меня. Мы жили на четвертом этаже в коммуналке. Единственное окно выходило на юг, на крышу противоположного дома. Надо ли говорить, что она была фоном моей жизни?

Витя смотрел в окно. На глазах слезы. Он колебался, говорить ли со мной, ребенком.

– Гриша, у меня мама умерла, – сказал он, не отводя взгляда от окна. И крыша вспыхнула всей своей обыденностью и обшарпанностью.

О сладости слез...

– Хочешь я тебе почитаю?

.....

– Хочешь сушку?

.....

– Хочешь к бабушке?

.....

– Чего же ты хочешь?

– Я хочу стоять и плакать.

Дашь условное название тексту – «Интимный дневник», – а потом чувствуешь, как оно начинает влиять на тебя. Дневник ведь предполагает исповедальность.

(Ложись с женщиной в постель, – посмеивался герой этого эпизода, – а потом оказываешься в Америке (добавлю то, что он мог бы смутно предчувствовать)... и умираешь скоростно много раньше предполагаемого срока.

– Я буду жить долго, – говорил мне Костя в юности.)

Вот вода; что мешает нам креститься?

Впервые с Евангелием я познакомился в середине 50-х годов. Тогда с двумя друзьями, Костей и Сашей, после увлечения индуизмом, я пришел в церковь.

Ходили мы в трапезный храм Новодевичьего монастыря. Солнечные лучи в клубах ладана, его аромат, пение всюю церковью «Верую» и «Отче наш» производили на нас сильное впечатление, часто в своем рвении мы опускались на колени.

Служил отец Валериан, священник лет шестидесяти, человек с удивительно тонким слухом (мне запомнилось, как он пел по четвергам акафист Святителю Николаю) и благороднейшей внешностью белогвардейского офицера.

Мы резко выделялись среди пожилых прихожан. К нам стала подходить приятная женщина лет пятидесяти пяти — Александра, из простых, с доброй улыбкой и бросающейся в глаза белизной искусственных зубов. Она подарила нам ветхую книжку Нового Завета и сказала, что нам нужно бы креститься. Мы сразу же согласились.

Александра договорилась с отцом Валерианом и привела нас как-то вечером в храм. В церкви было пусто и спокойно-торжественно. Стояла наполненная небольшая купель. Вышел отец Валериан в епитрахили и попросил показать паспорта. Полистав их, он приятным ровным голосом сказал, что крестить нас не может, так как нам нет еще восемнадцати. Кроме того, заметил священник, пока мы еще не крещены, нам не следует подходить близко к алтарю, а лучше стоять во время службы в притворе. (До сих пор так и не знаю, была ли им высказана подлинная причина отказа или дело было в других паспортных данных, подтвердивших наблюдение духовидца и физиономиста.)

Мы были обескуражены, а наша несостоявшаяся восприимчивость расстроена. Однако она проявила упорство и вскоре отвела нас в церковь «Нечаянной радости», где мы были крещены ныне покойным, а тогда молодым, энергичным и черноволосым отцом Николаем, позднее ставшим настоятелем этого храма. А в те времена настоятелем был старец, отец Александр, весь светящийся добротою и любовью.

После крещения нас ввели в алтарь, где отец Александр, не вставая со скамеечки (видно было, что ему тяжело стоять), расцеловал нас и поздравил с принятием крещения. Не помню, что именно он говорил, но для меня эта встреча оказалась самой значительной из всего, произошедшего в тот день.

Через несколько дней мы победоносно вошли в храм Новодевичьего монастыря и встали близ алтаря. Поняв, что крещение состоялось, отец Валериан через чтеца пригласил Костю в алтарь и попросил его прислуживать во время всенощной. Счастливый Костя выходил из алтаря в стихаре, с большой свечой, а по окончании службы с радостной улыбкой вычесывал воск из волос.

«Сподобился!» — шелестело среди прихожанок.

О, юность! О, свежесть восприятия и чистота!

Нужно добавить, что недолго длилось наше воцерковление. Через год молодость и окружение взяли свое, и мы потеряли след нашей крестной матери. Сейчас я понимаю, как тяжело было ей пережить наше исчезновение, как истово она молилась за нас.

Восторг опасен. Сколько раз я убеждался в этом. Он вырывает тебя из косного окружения и лишает навыка привычной реакции.

Восторженному хорошо идти ранним утром у стен московского кремля, когда еще нет машин, под которые ты можешь попасть, и людей, которых ты захочешь обнять.

...так светла твоя улыбка...

.....

...тотчас бешеные волки...

...станут лапами на грудь...

...но я вижу ты смеешься...

...на, владей волшебной скрипкой...

Район Белорусского вокзала. Теплый летний вечер. Уже темно.

Наверное, август. Ощущение легкости, свободы... И шаг легкий... Будто не иду, а танцую... В правой руке — маленькая скрипочка («восьмушка»), обнаженная и одинокая, без футляра и смычка. От этого не менее праздничная.

Значит, Ане было семь лет, а мне — тридцать. И год уже 69-ый... неужели? Казалось, я был моложе!..

Прохожу мимо лотка, за которым подсчитывает выручку продащица, и рядом с ней мужик... Подошел:

— Скажите, как пройти на Лесную..?

Продащица взмахом руки указывает направление. Продолжаю идти, но боковым зрением успеваю заметить немую сценку, сопровождаемую выразительными жестами. Если озвучить, то получится:

М у ж и к. — Ты что?

Б а б а. — Да ... с ним, пускай пробежится.

Тут же легко возвращаюсь и, обращаясь к женщине, резко:

— Смотри, сука, если ты меня не туда направила!..

Это был, конечно, всего лишь словесный жест. Что я мог ей сделать? Но на этот жест последовал великолепный, мгновенный ответ.

Раздался пронзительный вопль:

— Он меня, советскую продащицу, сукой назвал!

Она выкрикивала эту фразу без передышки, и вокруг меня стала кольцом собираться толпа.

Я не мог не оценить гениальности режиссуры. Одной фра-

зой была создана мизансцена, где все было предельно ясно: кто есть кто и кто что чувствует. Баба продолжала вопить.

Подобно крику «держи вора», ее утроба хотела вызвать на поверхность коллективной души гонительский инстинкт. В таких утробах и зачинаются мифы и мистерии.

Толпа угрюмо недоумевала. Я, держа скрипку в руке, пока еще весело озирался.

Но как продолжится действо? Должен был появиться *deus ex machina*, или, по крайней мере, милиционер. Случилось первое, хотя, я поначалу подумал, что второе, – настолько решительно подошел молодой мужчина и крепко взял меня за локоть. Думаю, что такое же впечатление было и у хора, который тут же расступился перед нами. Отойдя на несколько шагов от толпы, мужчина выпустил мою руку и сказал серьезно и сдержанно: «Идите».

Темный город поглотил меня. Праздник продолжался.

*В долине Дагестана...
... кровь точилась моя...*

Путешествовал по Дагестану с другом. Предстояло пересечь перевал. Магомед, наш хозяин, посмотрел на гору и покачал головой: выпал снег. Для двух неспортивных евреев затея была рискованной, но мы не понимали опасности. На высоте дышать тяжело, пульс участился. Потом исчезла дорога. К счастью, в этот момент навстречу вышел дагестанец. Он вел в поводу лошадь. (Потом нам объяснили, что верхом едут только в гору.)

– Есть дорога к аулу? – спрашиваю.

– Очень хороший дорога – отвечает. – Идите по следу.

След в снежной слякоти иногда терялся; мы посмеивались – очень хороший дорога. Но, наконец, подъем кончился.

По мере спуска пейзаж стал меняться, и тропинка привела нас в поистине райское место. Журчанье ручьев (простите), буйная зелень (еще раз простите) и пасущееся стадо овец. Меня охватил восторг, и я побежал вниз, навстречу этому очарованию, оставив позади своего товарища.

Тут-то на меня и выскочили четыре кавказские овчарки.

Подбежал подпасок. Бросил в них камень и ушел. Как только он ушел, собаки принялись за свое. Они расположились квадратом, я – в центре. Лаяли, скалили зубы и ждали чего-то, чтобы наброситься на меня. Местные жители учили: в таком случае нельзя бежать. Лучше всего присесть на корточки. Тогда собака помочится на тебя и отойдет. На это я не решился. Я стоял и сдерживал их взглядом, переводя его с одной собаки на другую. Отвел глаза на долю секунды, чтобы посмотреть, где мой друг, который, кстати сказать, шел с палкой. Этой доли секунды хватило – мне, чтобы увидеть, что он выглядывает из-за холма, ожидая развязки, а одной из собак, чтобы метнуться ко мне и вырвать из икры правой

ноги кусок (небольшой) мяса. Будто кран открыли – так хлынула кровь.

– Сука, – на этот раз вполне уместно выругался я и пошел, не обращая внимания на собак, к ручью омыть рану.

Собаки тоже потеряли ко мне интерес и куда-то скрылись. Нервное напряжение спало. Стало тихо, и вновь зажурчал ручей. Смеркалось.

Действие было кратким и бурным. Затем спад и природа перестает быть только фоном, а возвращается в прежнее всепоглощающее состояние...

(Здесь моя дочь, когда я рассказал об этом, возмутилась: как я мог так называть животное – сука!

– А продавщицу? – спросил я.

– Там можно.)

*Собеседник... избранный,
окликнутый по имени.*

– У Вас есть семья?

– Да.

– А дети?

– Пятеро.

– Слава Богу, – старец широко перекрестился.

– Я, собственно, и приехал поговорить на эту тему. – (Разговаривать с ним было легко. Нет атмосферы исповеди. Просто беседа.) – Близкая мне женщина беременна от меня, и я хочу отговорить ее от аборта.

Акцентируется:

– Это Ваша обязанность. Вот Иаков работал четверым.

Ничего не менялось, к моему удивлению, в расположении старца к собеседнику. Да и слова его были для меня неожиданны, выразительны и светлы.

– Дело в том, что она уже сделала от меня один аборт.

– Ну что же делать? – уже другим тоном, но без тени осуждения.

Я понял, что для него смерти физической нет. (Когда я позже пересказал все это своему другу, он – тоже без осуждения – заметил: смерти нет, но убийство-то есть. Я мысленно склонил голову. Отговорить ее мне не удалось.)

Я прожил в монастыре несколько дней.

В первый же день в комнату, где меня поселили вместе с другими паломниками, зашла монашка. Руки прячет под передником. Я это воспринял, как ее нежелание вызвать земные эмоции. Говорит тихо, невыразительно, в монашеской терминологии – косно.

Обращаясь ко мне:

– Зачем вы деньги выпрашиваете?

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– На вас жалуются.

– Кто?

– Батюшка жалуется, что вы у него десять рублей взяли.

Я, раздраженно:

– Какой еще батюшка?

– Паломник. Остановился в соседнем доме.

Неплохо для начала. Это была моя первая поездка в монастырь.

Попшли к нему. Заходим в комнату. Священник полоумного вида натягивает пальто.

– Батюшка! Это он у вас деньги брал?

Священник посмотрел на меня и, не задумываясь, убежденно:

– Он.

Вот те на! Влип! Уже не зная, что делать, в последний момент спросил (в критических ситуациях быстро начинаешь соображать):

– Когда же это было?

– Вчера.

Тут даже монашка улыбнулась (работа поставлена, что твое КГБ):

– Так он же только сегодня приехал!

Батюшка уже потерял ко мне интерес. Впрочем, его и не было с самого начала разговора.

Однако слухи о вымогательстве распространились среди монашек, и, когда я пришел в столовую, местная юродивая поразил меня:

– Ма-те-матик называется! Небось, простого дифференциала взять не может, я уж не говорю об ин-те-грале, – слегка нараспев и выделяя «е».

Когда я сказал монахине, что если бы ситуация не прояснилась, то я пошел бы к старцу, она так же невыразительно, с кафкианской уверенностью сказала:

– Он бы вас не принял.

Я аж отпрянул!

Среди простого люда при монастыре выделялся молодой питерский интеллигент, имени которого я не помню, но хорошо запомнил фамилию – Троепольский. Она как-то ему подходила, соответствовала его интересам. Бросал такого рода фразы:

– На этом кладбище мне встречались хорошие фамилии.

Перенесенные в XIX век, мы гуляли в сосновом бору близ деревянной церкви, и я, крещеный еврей, вспоминал рассказ Чехова «Перекасти поле», хотя чувствовал себя прекрасно и уверенно.

Запомнился отрывок беседы:

– Не удивлюсь, – говорил я, – если про отца Александра будут говорить, что он заслан евреями, для того, чтобы разложить православную церковь изнутри.

– Так ведь уже говорят, – сказал он, интонационно дистанцируясь от такого суждения.

Дали нам послушание – складывать бревна. Мы с удовольствием, размеренно и аккуратно делали эту работу, которая

требовала осторожности, так как бревна были тяжелые и травма не исключалась.

Прислали нам в помощь здоровенного бородатого мужика. Тот стал швырять бревна. Дело замедлилось и стало опасным. Троепольского чуть было не ушибло. Во время краткого отдыха мужик нес какую-то околесицу:

– На Афоне вокруг монастыря камни огромные падают, а они молятся и ничего... Я, когда жена помрет, поеду туда.

– А что, жена болеет? – посочувствовал я.

– Зачем болеет! Учит! – хрипит мужик.

– ???

Он пояснил:

– Учительницей работает.

Накануне отъезда вышли после всенощной, на которой старец с присущей ему силой говорил проповедь.

– Ну вот, – сказал я Троепольскому, – в проповеди он ответил на все мои вопросы.

Троепольский (интеллигентно):

– Занятно. И на мои тоже!..

Эта интимность высказывания говорит о его подлинности. Она возникает, когда слушаешь музыку. Та же всемирная, глубокая тяга к интимному собеседнику отыскала меня и оставила во мне впечатление светлого луча из Испании.

cresc.

– Помешай овощи через три минуты.

.....

– Только деревянной лопаткой!

.....

– Я тебя знаю – ты ножом будешь мешать.

.....

– Ты мне сковороду испортишь. Я не хочу травиться!

.....

– Ты знаешь, сколько она стоит?

.....

– Ни о чем попросить нельзя... все... не мешай... сама помешаю.

.....

Все ласточка.....подружка.....Антигона...

*И, видит Бог, никто в мои глаза
не заглянул так мудро и глубоко*

Младший сын никогда не говорил «картошка», только «картофель», как и мой отец, которого он не мог помнить.

Внук, родившийся через 25 лет после смерти прадеда, говорил, как и он, «уйма времени». Больше никто в нашей семье этих слов не употреблял.

Стоит ли удивляться, что наша собака, войдя в комнату, не торопясь, ложилась на пол и смотрела на меня глазами моего отца. Разве что взгляд ее никогда не был рассеянным. Не помню, чтобы она видела моего отца. Наверное, это было отражение моего взгляда в те мгновения, когда я неосознанно на миг облекался в его плоть. Со мной такое случается, когда я вдруг начинаю писать почерком брата или сливаюсь в каком-нибудь жесте со своим другом или даже случайным знакомым.

– Кичь (это была сука), закрой дверь, – говорил я ровным голосом. Собака спокойно, как если бы мы репетировали эту сцену, вставала, подходила к двери и лапой закрывала ее, а затем возвращалась на место и ложилась в прежней позе.

Если бы все так реагировали на просьбу!

Зеркало в ванной. Окна закрыты? Плита выключена? Ключи в сумке? Куда завалились? Вот они. Уже на пороге – очки забыла. Возвращается. Зеркало в коридоре. Ритуал завершен.

Он ожидал в прихожей, сдерживая себя и гордясь своей сдержанностью, но она болезненно ощущала давление этого сдержанного ожидания. (Флобер не мог простить себе двукратного употребления родительного падежа! Другие времена!)

– Пошли.

– Наконец-то, – вздохнул он.

– Ааа. Наконец-то!!! – взорвалась она. – Свою курицу ты ждал терпеливее. Ей ты не смел делать замечаний!..

Атмосфера в салоне машины перенасыщена раздражением. Но что-то должно быть сказано. Долго сдерживать дыхание было невозможно.

– Оказывается Бах и Гендель родились в одном 1685 году, – заметил он.

Это было жестоко. Ситуация патовая. Возразить-то нечего. Она закусил губу.

Он заметил, что шофер сдерживал улыбку, и подивился его тонкости.

Education sentimentale.

Жена шофера та еще мегера.

*Туда б... подняться к вольной вышине!..
В соседство Бога...*

Стою с мелом в руке у доски, что-то объясняю. Не могу избавиться от внутреннего напряжения – нечто вроде головной боли... Озираюсь, и вдруг – наитие: прошу студента выключо-

чить свет (сумерки еще позволяли). Облегченно вздыхаю, все в аудитории испытали то же. Какое же блаженство! Будто зубная боль внезапно прекратилась.

Спад напряжения... самое время порассуждать о механизме получения удовольствия – физического и духовного, о кульминации в скрипичном произведении и в любви, об энтропии и информации, о жизни и смерти...

Оказалось всего лишь, что лампы дневного света жужжали, и мы, испытывая дискомфорт, не осознавали его причину.

Я продолжил занятие.

И вот предгорья Альп.

Что знал я об Альпах?... Альпы... Нечто грандиозно-заснеженное.

Тяжелый, героический переход Ганнибала. Потеря людей и слонов...

Затем более прозаический переход Суворова, когда солдаты скатывались вниз на карачках, как дети с горки (кто же это изобразил? Суриков? Надо бы узнать!).

Так вот предгорья Альп. Там, на севере Италии, я гостил у моего друга Юры Мальцева.

Как-то пошел гулять. Дорога шла вверх и вывела меня в прекрасное, необыкновенно картинное место. В Италии любовью пейзаж ассоциируется с живописью Ренессанса. Хочется подробнее описать это место, – охотника, проходящего мимо, маленькую церковь на пригорке, – но не могу, не умею.

Вдруг зазвонил колокол. Поскольку около церкви никого не было видно, мне показалось, что звонит он сам по себе. Колокол весь раскачивался подобно качелям, как если бы он был связан с каким-то механизмом.

Но вот колокол смолк.

Наступившая тишина вытеснила все ненужное, нечистое. Я замер.

Председатель остался погруженный в глубокую задумчивость.

– Первый половник настоятельно, без него за стол садиться нельзя, – говорила понаторевшая в церковной жизни повараха.

Столы были установлены буквой «т». Вдоль малой перекладки сидел клир с настоятелем в центре, а вдоль большой – располагались работающие в храме миряне, причем близость к столу, за которым сидели священники, определялась статусом сидящего (староста, ее помощник, бухгалтер, почетные гости и др.). Лишь регент левого хора, уставщица и талантливая художница, чьи картины висели в трапезной, садились не по чину в самом конце стола, памятуя, что последние станут первыми.

За столом часто велись оживленные беседы, подогреваемые спиртным. Ведь в церкви, а особенно в большой общине, праздник каждый день. Добрая традиция обязывала именинника ставить на стол вино и сладости.

Конечно, в основном говорил настоятель, и часто на духовные темы.

Как-то я стал рассказывать о своей прогулке в Альпах. Когда я сказал, что на мгновение меня оставили помыслы, а это считается абсолютно недостижимым состоянием, доступным разве что для святых, настоятель весело перебил меня и закончил фразу «...и у меня выросли крылья, и я полетел». Все дружно засмеялись.

Я совершенно не смутился (атмосфера застолья была теплой, а то переживание слишком достоверным) и в пояснение рассказал эпизод во время занятий, когда я *стоял с мелом в руке...*

Это заставило всех замолчать. Аналогия духовного и физического состояний оказалась убедительной.

Трапеза возобновилась.

По телефону:

— Все плохо, Гриша. *Ничто меня не радует.* Знаешь, я тут летела к сыну, и самолет над Альпами снизился. Ужасно! Серые, голые, какие-то волосяные горы. Как будто слон на-срал.

Как разнообразно много связано с Европой, с ее лавром и лимоном.

Сестра моя, жизнь и сегодня...

Некрасива и мило улыбается. Располагает к разговору, чем и воспользовался.

— Вы знаете, у каждого пианиста свое, характерное для него, туше. Вам знакомо это понятие?

К моему удивлению:

— Да.

Интересно, какое у *нее* туше. Оказалось абсолютно индивидуальное. Она не сделала даже люфт-паузы между ощущением от прохлады, вызванной испаряющимся спиртом и уколом. Женщина оказалась талантливой.

Нужно было уходить, а я не успел проявить даже легкой влюбленности.

Она была совсем не похожа на другую — высокую, с крашеными волосами, непривлекательную плоскогрудую амазонку. Та решительно вонзала свою стрелу и всегда оставляла след крови.

Зато третья, сама женственность, чтобы отвлечь от ожидаемой боли, мягким кошачьим движением одной руки слегка ударяла меня рядом с точкой соприкосновения и одновременно с ним.

Остальные не запомнились. Как говорил Прокофьев о прослушанной однажды музыке, «не зацепило».

Но, может быть, я плохой слушатель?

И с лилией и улыбкой

Пред нею в поклоне плавном

Предстал Габриэль-архангел...

В сбербанке. Я перевожу деньги старшей дочери в Монреаль. Долго стою в очереди. Эту операцию может произвести только одна служащая, владеющая недавно установленной программой. Лучший работник этого отделения, о чем свидетельствует ее фотография на доске почета. Я внимательно разглядываю ее. Очень сосредоточена и тонкие губы слегка покусывает.

Я посылаю дочери не только и не столько деньги, сколько знак своей любви и заботы о ней. Это, в отличие от многого другого, составляет содержание моей жизни. И вот эта Таня (бирка на груди) явилась посредницей, в роли ангела, несущего добрую весть моей дочери.

Оставил ли я хоть малейший след в ее душе? Я продолжал рассматривать своего ангела. Серые невыразительные глаза, маленькие, едва заметные сережки (зачем?), крашенные волосы.

Отошла за распечаткой. Теперь уж я не мог не обратить внимания на ее фигуру. Все то же.

— Высвечивается банк в Торонто, а не в Монреале. Посылать?

— А дойдут?

— Не знаю.

— А если не дойдут?

— Деньги вернутся.

— Что вы посоветуете?

— Не знаю. Решайте.

Не думайте, что она была вяло-безразлична. Она была активна, говорила то, что знает, не более того. Она хорошо делала свое дело... Знал ли архангел судьбу младенца, о рождении которого он благовествовал?

Накануне я разглядывал «Благовещение» Джотто, привезенное в Москву. Гавриил — весь действие, весь посредничество, лебедь, золотой дождь...

Таня была для меня ангелом. Я понял, что служители окружают нас, хранят нас....

Добрую весть моя Анна получит.

Но в чем же твое сводничество?

Оставим это за скобками. Ограничимся признанием в любви к нему за его имманентное (простите, не знаю, как перевести) присутствие в музыке, поэзии, и вообще в искусстве.

Да и в этом тексте сводничество используется как литературный прием.



Святой Георгий из картины
В.Кандинского 1915 г.

Дмитрий Цесельчук

В день под Рождество

Да сбудется во всём грядущий год
Кометой, залетевшей в расписание...
Детей своих рождественский народ
Везёт на новогоднее катанье.

Скрипят полозья узеньких саней-
Эх, были б у меня такие санки
И я бы вместе покатылся с ней
С пригорочка в Кусково ли, в Останкино.

На нас глядел бы Шереметев – граф,
А мы б графили горки, как попало –
Полозьев узок шлейф – и, словно шкаф,
Я б заезжал в развал лесоповала.

На мне бы милицейский был тулуп,
Она – в своей дубленке хорошела,
Наехав на корягу, будто труп,
В сухой ковыль моё летело тело.

Но вскакивало и опять на холм
Везло за бечеву для милой санки...
А ну-ка собирайся – вот прикол –
Куда-нибудь в Кусково ли, в Останкино.

Уместимся на узеньких санях
И с горки съедем, ноги растопыря.
Там ты опять влюбилась бы в меня,
Из-под снежка на «лоботряса» зыря.

А я б и впрямь отряхивал со лба
В снегу заиндепевшую кудряшку...
А не поедешь, значит не судьба,
Тогда – каюром погоняй упряжку, –

Я повезу, твой ездовой барбос,
Тебя по расцарапанному насту
Туда, где, дети верят, Дед Мороз
Для звёзд поберегает свою пасту.

И в Рождество одну из тысяч звёзд
Надраивает, как сапог бархоткой...
А чтобы нас не разлучил Норд-Ост,
Три пальца не забудь сложить щепоткой.

Александр Лозовой

БОГ ПЕРЕКРЁСТНЫХ ДОРОГ

Убей бегущего

Рыбу прибивало к берегу, очень много мёртвой рыбы. Её сбрасывали с сейнеров далеко в море, но всё равно приносило к берегу особенно к вечеру, когда прибой усиливался. Сейнеры вернулись в порт после удачной ловли, но на складах не оказалось соли, так как она задержалась на железной дороге. Можно было бы раздать рыбу населению города. У людей в домах была соль, но так было не положено, а теперь уже поздно. Соль так и не поступила, и рыба совсем протухла. Рыба была в основном ставрида, кефаль и барабулька.

Это происходило в жару, в самый разгар курортного сезона, и купаться на пляже, да и вообще по нему ходить было невозможно. Вначале рыбу пытались зарывать в песок. Но её было слишком много, и её прибивало к берегу не всю сразу, а постепенно. Ждали шторма, чтобы он всё перемолотил, но погода как назло была тихая.

Вдова Наседкина жила на самом берегу. Ей пришлось закрыть все окна — у неё собирались гости. Обычно всегда располагались на открытой веранде, но сейчас было невозможно из-за тухлого рыбьего запаха.

В нашем городе неофициально собрались в ассоциацию семьи и отдельные лица с птичьими фамилиями. Примерно раз они месяц приходили к вдове Наседкиной. Она никак не походила на курицу, а была высокая статная дама с повадками аристократки.

У вдовы Наседкиной было удобнее всего собираться. Она жила одна в доме на берегу моря, и чаепития с одноптичниками для неё были не обременительны. Печенье, а иногда и торты приносили гости, никто из них не злоупотреблял алкоголем и не курил. Но баптистами они тоже не были.

Фамилии были самые обычные, как и по всей стране, но не в каждом городе существует подобная ассоциация. В нашем городе в ассоциацию пернатых входили: Гнездовы, Уткины, Кулик, Клюевы, Перов, Орловы, Грачёвы, Дроздман, Скворцов, Чирикова, Касаткина. Её вначале не хотели допускать, потому что касатка — рыба. Но она доказала по словарю Даля, что на тамбовском диалекте касатка — ласточка. Чирикова объяснила происхождение фамилии не от чирья, а от чирикающего воробья. Приходил и грузин по фамилии Буадзе, что в переводе означает сова.

Иногда птичья ассоциация устраивала праздничные столы и юбилеи, но никакой птицы на стол не подавалось. В ассоциации было табу на кур, гусей, уток, индюков и прочих пернатых. Никто из её членов не держал птицы, не разводил и не занимался её ловлей или охотой. Однажды Петухова, одного из членов ассоциации, застукали на базаре, когда он торговался о покупке курицы. Он слишком долго и упорно торговался, и было ясно, что покупает он её не по чьей-то

просьбе, а для себя. И ему немедленно отказали от дома вдовы Наседкиной.

Во время собраний ассоциации делались различные сообщения или доклады. В этот раз предстояло выступить молодому археологу Скворцову, несколько лет назад закончившему учёбу в Ленинграде.

Георгий Скворцов усиленно работал над античными текстами, в частности над Илиадой. Он разрабатывал сразу несколько тем, писал очень убористым почерком и гордился, что страница текста, написанная им от руки, равняется машинописной странице.

Но такой текст было трудно править. Тогда Георгий стал писать как вождь мирового пролетариата. «У них тоже нужно перенимать полезное», — говорил он. Вождь в детстве писал тонко отточенным карандашом, а затем правил текст чернилами.

Первоначальная задумка у Георгия была описать участие народов Кавказа в Троянской войне. В этой войне действительно принимало участие много народов, как на одной, так и на другой стороне, но ссылок в Илиаде на кавказские народы Георгий не нашёл.

Он собирался изучать другие источники, а также исследовать археологические находки на берегу Чёрного моря на предмет их идентификации троянским.

Но попутно Георгий увлёкся другой темой, которая и стала для него в это время доминирующей. В Илиаде он обратил внимание на крайне разнообразное описание гибели героев, как самих троянцев, так и ахейцев, аргивян и других. Неповторяющимися были сами описания смертей. Георгий не поленился пересчитать все эти случаи. В Илиаде они указаны поимённо.

С этим и другим небольшим сообщением Георгий Скворцов выступил на очередном собрании птичьей ассоциации.

Разновидность гибели героев при осаде Илиона.

1. Убиты в бою друг против друга, лицом к лицу — 206 человек.
2. Убиты случайно — 9 человек. Это когда копьё (стрелу) бросают в одного, а попадают в другого. «Немного не уметив», поразил другого.
3. Убиты, просящие пощады и не сопротивляющиеся — 8 человек. Будущий убиенный просит, говорит, что его родители дадут выкуп медью и золотом и т.п. Победитель вроде бы решает его пощадить, но, как правило, вспоминает в этот момент о своём погибшем товарище и перерезает жертве горло. (Кстати так заканчивается Энеида Вергилия).

4. Илиада начинается не с боёв и смертей. Только в четвертой главе появляется первый раненый – Менелай. А всего описано ранений – 9.

5. Смерть убегающих – 19 человек. Это когда человек бежит от противника или с поля боя. «Пикой в хребет», «дротик в спину», «в правую сторону зада вонзилась стрела и далёко, острая, в самый пузырь, под лобковую кость, проникла». Эти персонажи в Илиаде указаны поимённо. Об остальных убитых приводятся в разных местах следующие цифры: 100, 12, 27 и ещё слово «много погибло».

Георгий хотел ещё посчитать процентное соотношение в приведённой классификации троянцев и их противников.

Вдова Наседкина ещё раз разлила чай гостям. Доели торт, и Георгий продолжил свои краткие, но существенные наблюдения о предыстории современного спорта. В Илиаде Георгий нашёл главу, посвящённую состязаниям. Он решил, что это очень актуально для нашего времени, для спортивных соревнований, олимпийских игр и различного рода чемпионатов.

Поскольку Троянская война длилась слишком долго, Ахиллес решил устроить состязания в своих войсках.

В гонках на колесницах Ахиллес присудил второе место Эвмелу, пришедшему последним,

Его любимец Эвмел не смог «бега сдержат у меты и коней повернуть». Первым пришёл Тагид, а вторым Антилох, и сразу же поторопились забрать свои призы, которые были уже приготовлены и выставлены (почему-то в Илиаде особенно любят дарить и награждать треножниками). На награды шли общие средства.

Естественно, что Антилох не согласился возвращать свою награду, чтобы её отдали Эвмелу, но Ахиллес, по-прежнему, утверждал, что если бы беда не постигла колесницу Эвмела, то он точно пришёл бы вторым, если не первым.

Наконец порешили – награду у Антилоха не изымать, но второе место присудить Эвмелу, а Ахиллес пусть выдаст ему награду не из общих средств, а из своих личных, что Ахиллес и сделал.

В античном мире была явная, открытая подтасовка результатов, и все видели, возмущались, соглашались.

После высказываний было решено на следующем собрании птичьей ассоциации заслушать доклад всё того же Георгия Скворцова «Золотые пески».

[...]

Золотые пески

В ассоциацию пернатых одно время приходил Воробьёв, но его быстро наладили оттуда. Он брал у знакомых и незнакомых книги и никогда не возвращал.

Люди с птичьими фамилиями были очень деликатны, но однажды поступили не совсем тактично. Давая Воробьёву книгу, написали на титуле «Возвратите, не дожидаясь напоминания!!!». Но книгу он всё равно не вернул.

В нашем городе было ещё несколько человек, которые



книги не возвращали. Таким образом, они скомплектовали отличные библиотеки.

Это явление отчасти близко клептомании, когда человек уносит совершенно ненужные ему вещи. По большому счёту эти книги были не нужны этим собирателям, потому что книги для них были бесполезны, даже при условии, что они их прочитают.

В каждой стоящей книге описываются положительные стороны персонажей, или же характеры и поступки, которые не следует совершать или им следовать. Если же человек, прочитавший море книг, так для себя ничего и не уяснил, то чтение его бесполезно, а книги – вещь нужная.

Такое же бесполезное воздействие от книг на тех, кто их берёт и не возвращает.

Хотя существует выражение «книжный вор ни есть вор», и вряд ли найдётся такой человек, который бы за свою жизнь не «зачитал» одну-две книги.

Но были у наших горожан в книжных коллекциях и подаренные книги. На титулах многих книг была надпись «В память о Вовке!». Это подписывала одна несчастная женщина, у которой единственный сын погиб на войне. Она покупала различные книги, подписывала и дарила людям: знакомым и малознакомым, пытаясь, таким образом, хотя бы частично заглушить свою боль.

У Гриши тоже была книга с такой же надписью. Но самого Вовку он, естественно, не мог знать, так как родился уже после войны. Отчасти эта женщина своего добила. Мало кто знал её имя, но Вовка всё время попадался на глаза.

[...]

Георгий Скворцов продолжал писать и знакомить ассоциацию пернатых со своими разносторонними изысканиями:

«Как пропадает в мире золото? В значительной мере оно распыляется, обращается в прах. Это происходит в целом ряде случаев: люди купаются в море, реках, озёрах, теряют в воде и песке золотые украшения.

На Крымском и Кавказском побережье Чёрного моря за три летних месяца купается более двух миллионов человек. Это по самым скромным подсчётам. Минимум каждый десятый носит на себе золото: серьги, кулоны, цепочки и т.п. Это двести тысяч человек ежедневно на пляже. Цепочки

в нашей стране по государственным стандартам делаются специально непрочными, чтобы невозможно было удушить ею же самого владельца (так Георгию объяснил знакомый милиционер). Цепочка должна от напряжения обязательно разорваться. Сколько раз мне приходилось видеть, как люди ищут в песке потерянные золотые украшения, после игры на пляже в мяч. Так ничего никогда и не находили.

Из двухсот тысяч купающихся с украшениями ежедневно наверняка у ста человек обязательно что-то теряется минимум граммов на пять (а то гораздо и больше). Пять граммов золота умножить на 100 – это пятьсот граммов. Умножить на 75 дней (летний отпускной сезон) – получится 35,5 килограммов.

В Египте, Израиле, Майами и в других местах купальный сезон значительно больше 70 дней. Известных мне популярных пляжных курортов можно на Земле насчитать минимум пятнадцать (на самом деле гораздо больше, и это на руку Георгию): Крым, Кавказ, Югославия, Болгария, Лазурный берег, Турция, Италия. Итальянцы все любят носить золото. А также испанские, португальские пляжи и Магриб. Я уже не говорю по Латинскую Америку и Австралию. Получится, что теряется примерно 400 килограммов за один сезон, а за 10 лет четыре тонны. Это ещё самые скромные подсчёты и только по пляжам.

Разбиваются самолёты. Штук десять в год на всей земле. В приборах на самолётах есть золото, а также у пассажиров. Если самолёт падает в море и его не достают, или же он разбивается и сгорает на земле вместе с пассажирами, то на сто пятьдесят пассажиров приходится примерно килограмм золота, который бесследно исчезает. С пассажирами гибнут и перстни, и броши, которые на пляж не берут. Поэтому теряется больше, чем 5 граммов на человека. Поэтому при авиакатастрофе теряется примерно килограмм».

Затем Скворцов вроде бы как выпил чай: он набрал его в рот, прополоскал им несколько раз зубы от застрявшего печенья, пропустил чай через стиснутые зубы при закрытом рте и проглотил.

«Многих людей хоронят с золотыми зубами. В ряде случаев у покойников золотые зубы вынимают, но не у всех. Примерно во всем мире в год, таким образом, распыляется две тонны золота. Христиане, мусульмане и иудеи не оскверняют покойников. В этих случаях золота пропадает значительно больше, чем на пляжах.

Пример. Похоронили в Москве на Новодевичьем кладбище женщину – председателя союза художников, академика, лауреата многих премий. И похоронили её вместе с уникальной бриллиантовой в золоте брошью. Через некоторое время эта брошь появилась в продаже на чёрном рынке. Сразу определили, откуда эта брошь (очень известная, и второй такой быть не могло), раскопали могилу, и броши не обнаружили. И это всё произошло на правительственном кладбище. А золота с обыкновенными покойниками много уходит в землю.

И из моей личной практики: в древних захоронениях иногда находим золото, но далеко не все древние захоронения будут найдены и раскопаны.

Существует термин управдом – управляющий домом, а управляющий кладбищем называется управклад. Это само по себе уже о чём-то говорит!

В истории человечества много случаев, когда люди прятали золотые клады, но их так и не находили.

Муссалини спрятал своё золото в озере Комо. До сих пор его не нашли.

У Джека Лондона в одном из рассказов герой высыпает, выбрасывает в речку золотой песок. И это ни сто и ни двести граммов.

Художник Корреджо, получив в Парме гонорар в шестьдесят золотых монет, отправился пешком к себе домой. Стояла сильная, нестерпимая жара. Корреджо напился холодной воды из небольшой речки, поел смокви прилёг отдохнуть под фиговым деревом. Незаметно для себя он задремал, а проснулся в страшной лихорадке и ломотой в костях. Муки и внезапное озарение, хотя Корреджо всегда был примерным христианином, открыли для него настоящее величие Бога и искусства по сравнению с бренной жизнью и его неотъемлемой частью – золотом. Корреджо проклял его и с остервенением разбросал по речке. Корреджо довели до дома проезжавшие купцы, где он и скончался, будучи всего сорока лет от роду.

Так до сих пор в этой речке всё ещё ищут золото, а нашли всего лишь 16 монет. Конечно, врут, кто признается? нашли гораздо больше, но не всё, раз до сих пор ищут.

Десятки тысяч авторучек выпускают с золотыми перьями. Понятно, что это небольшое напыление, но всё равно золото. Я ещё ни видел ни одного пера, которое бы утилизировали!

«А в туристических походах сколько теряется?»

И это далеко ещё не всё подсчитано. Химики сколько золота безвозвратно переводят на всякие реакции, и также в медицине. В космических спутниках используют в приборах золото. Спутники падают, их не всегда находят, или они сгорают в атмосфере», – этим закончил своё выступление Георгий. (Тогда ещё не затапливали космические корабли).

– А итог какой? То, что оно будет дорожать, мы это и без тебя знаем, – сказал Кулик, человек, который не произносил слов «чёрт», «золото» и, наверно, ещё какие-то другие слова и вряд ли по религиозным причинам, скорее из-за суеверия. Чёрта он называл рогатым. Золото – «оно, или это тот самый «злой металл». Он и не матерился. Когда ожидалось бы при некоторых обстоятельствах от него крепкого словца, он едко произносил: «Едят тебя мухи!».

Встречаются мужчины, которые публично не выражаются (а про себя, во всяком случае, уж точно матерятся), но с истинным наслаждением вслушиваются в отборную брань других.

Птичники сидели на веранде. На море был шторм. По пустынному берегу лицом к прибою быстро прошёл Воробьёв. Во всю мочь он орал: «Ленин – сифилитик! Ленин – сифилитик!» Воробьёв торжествовал, его крики поглощались грохотом прибоя, но он чувствовал безнаказанную свободу самовыражения во весь голос.



Режиссер, актер, поэт, сказочник, художник и драматург — заслуженный артист России Владимир Миодушевский даже внешне похож на Деда Мороза. Неистощимый на выдумку, он и на этот раз удивил многих, поставив по скайпу спектакль «Раз в Крещенский вечерок» по знаменитой «Светлане» В.А.Жуковского с вокально-хореографическим ансамблем «Русь». Режиссер живет и проходит долгий курс лечения в Москве, а спектакль поставлен во Владимире, где Владимир Миодушевский многие годы работал главным режиссером кукольного театра.

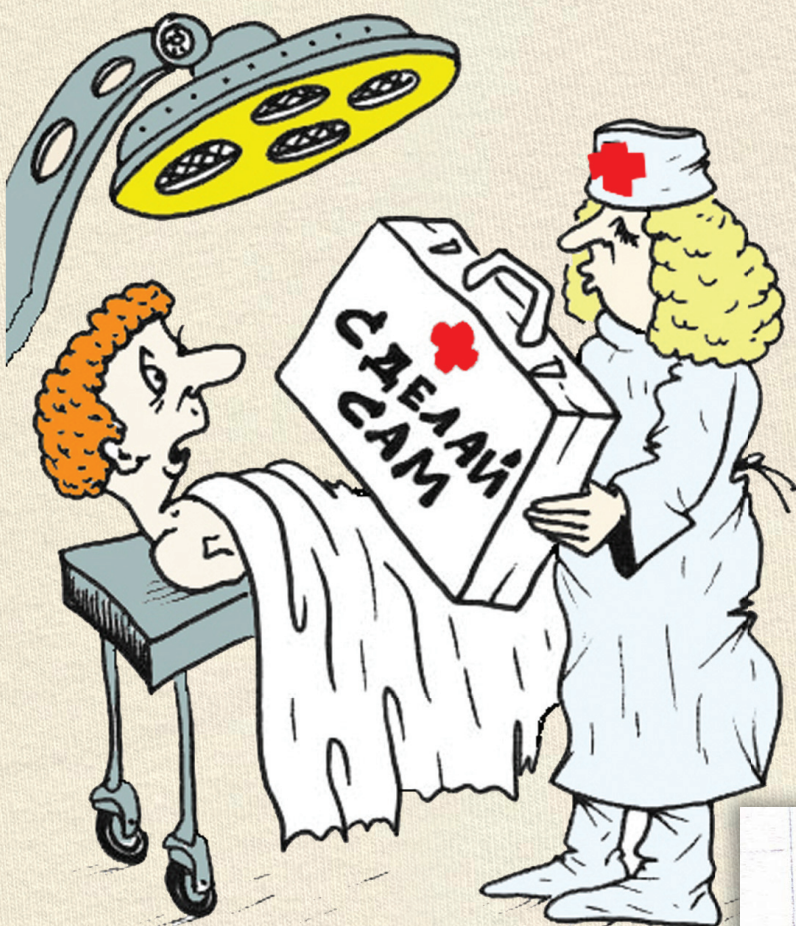
Светлана Жуковского не столько нагадала, сколько наворожила себе жениха. Помогла ему с помощью волшебных обрядов благополучно вернуться с полей сражений. Миодушевский ворожит в интернете, как раньше ворожил на сцене, за кулисами и в партере. Он много работал и работает с куклами. Они буквально оживают у него в руках. А вот с актерами да еще по скайпу управляться куда сложнее, если нет духовного и творческого контакта. Сам факт, что спектакль состоялся, говорит о том, что такой контакт у режиссера есть. Он очень любит и понимает людей, и талантливые актеры не могут этого не чувство-

вать. Мистерия Жуковского, поставленная по скайпу, — это несомненное волшебство и торжество творческого человеческого духа над всеми препятствиями.

При всей своей уникальности Владимир Миодушевский фигура символичная и даже типичная для русской культуры. Наверное, таким был создатель русского театра Ярослав Волков, таковы многие и многие его продолжатели во множестве городов России. Нижнегородец, уфимец, владимировец, москвич Владимир Миодушевский похож и на Аркашку Счастливцева, и одновременно на его брата Несчастливцева, увековеченных в «Лесе» Островского. Мы актеры — наше место в буфете... и в интернете!



Фрагмент афиши спектакля.



Игорь Балюк

Приспособление для ухода за полостью рта

я жесткой щеткой чищу зубы
я разной пастой чищу зубы
пока я часто чищу зубы
..вода течет
.....течет
.....течет
..буль-буль
.....течет
.....течет
.....кап-кап
течет течет

а я ха-ха

потом хо-хо

оплачиваю счет

Юлия Гордеева

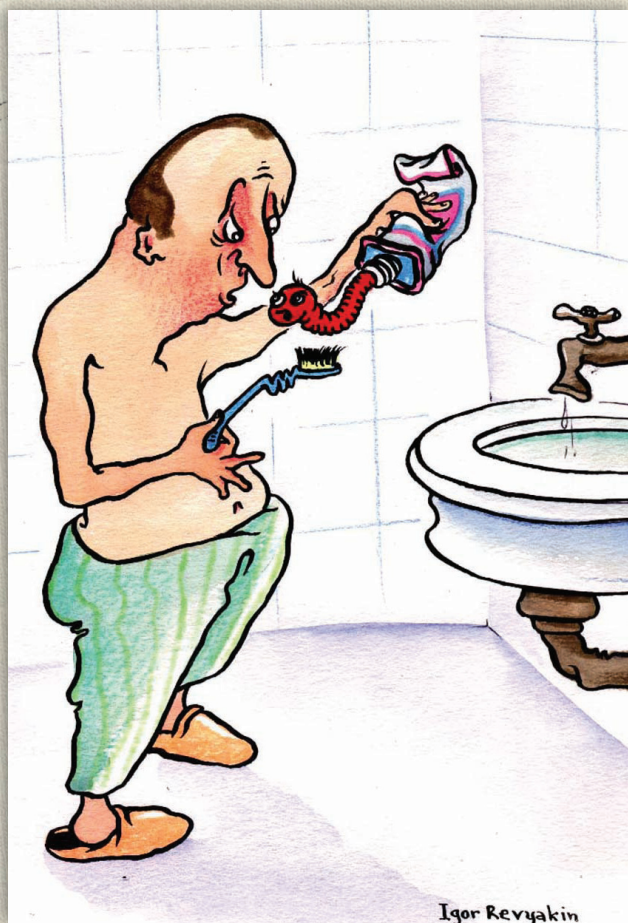
Санкт-Петербург

Я не стал по диплому хирургом,
И не знаю названий таблеток,
Но, столкнувшись со страхом-недугом,
Я могу его выгнать из клеток.

Инструментами сделать идеи,
Разместив в голове, как в аптечке,
К сердцу сделать проходы и щели,
Мысль изгнать о возможной осечке.

Если ж клетки окажутся серы,
В океане грязищи и пыли,
Не терять в исцеление веры,
А прибавить лишь больше усилий.

Чтобы страх испарился из клеток,
Надо просто зайти к себе в душу.
Стать врачом себе и пациентом,
Раздавлив инструментом как грушу.



Igor Revyakin

Рисунки **Игоря Ревякина**
специально для ПО.

Карло Гольдони
(1707-1793)

ВЕНЕЦИАНСКИЕ БЛИЗНЕЦЫ

Ольга Адрова
ДООС – рок-стреккоза
предлагает свою
поэтическую версию



Действующие лица:

Доктор Баландзони – адвокат
Розаура – его мнимая дочь; впоследствии
выясняется, что она сестра двух близнецов
Панкратио – друг доктора и его гость
Близнецы: Дзанэтто (простачок),
Тонино (умница)
Беатриче – возлюбленная Тонино
Коломбина, Бригелла – слуги

Самая остроумная, искрометная и, если не самая блестящая, то, без сомнения, самая «венетская» пьеса Карло Гольдони, пронизанная волшебным итальянским колоритом, в которой и братья-близнецы, и их невесты – все словно участвуют в дивном венецианском карнавале, где и любовь, и женитьба, и смерть – все окутано голубым итальянским небом и густой, сумрачной водой каналов, где словно плывешь между двумя берегами, которые отражаются друг в друге, как в зеркале, как отражаются сами герои. Ловишь себя на мысли, что это словно бы одна женщина и один герой, что сам Гольдони, участвуя в венецианском карнавале, смотрит на себя со стороны, примеривая разные маски и потешаясь над доверчивым зрителем.

Сцена 1.

Розаура (обращаясь к служанке).
Прическа эта, право, не к лицу!
Как показаться жениху, отцу?!
Коломбина (споря).
Да как же не к лицу?!
Я два часа вертелась подле Вас.
Вас завивала, пудрила сейчас...
Вы недовольны, право, никогда!
Розаура. Жених сейчас пожалует сюда...
С минуты на минуту – на порог!
Коломбина. Да Вы и так красивы, видит Бог!
Прическа хороша, и Вам к лицу:
Розаура. Нет, я на Вас пожалуюсь отцу!!
Коломбина (презрительно, пожимая плечами).
Какой отец!!!
Розаура. Что хочешь ты сказать?
Коломбина. Да знаю я, отец вам кто и мать,
Но говорить мне это не с руки.
Розаура. Нахалка ты!
Коломбина. Что скажут женихи?

Сцена 2.

Доктор. Что тут за шум? Что с вами, дочь моя?
Коломбина (в сторону). Ведь не уволят, право
же, меня!
Розаура. Сеньор отец! Нахалка мне дерзит!
Коломбина. Я знаю то, о чем отец молчит!
Мне рассказала мать,
Что здесь задета честь!

Доктор. Ни слова болтовни – тут интерес вам есть:
Молчанье – золото!
Коломбина. Буду я богата!
Доктор. Ни слова более – встречайте жениха:
Дзанэтто он, тут ни хи-хи-ха-ха!
(назидательно дочери)
Богатого купца он сын, богат и сам.
(Коломбине)
Глядишь, его слуга тут подойдет и вам!
Коломбина (презрительно).
Да, чтоб молчала я, заткните рот слугой!
Доктор. А где Панкратио?
Розаура. Вот друг нам дорогой.
Доктор. Вот друг милейший наш!
Коломбина. Да он в душе – подлец!
Доктор. Что там болтаешь ты?
(в сторону)
Обеих – под венец!

Сцены 4-5.

Розаура. Скажи, Бригелла, как тебе жених?
Красив, приятен?
Бригелла. Как хороший стих.
Он недурен, красив, но молод, глуповат.
На брата – умника похож, да тем и рад.
Ведь близнецы они, Венеции сродни:
Всех красотой плени, да там умри...
Розаура. А кто еще у этих купцов
В родне?
Бригелла. Есть дочь помимо близнецов.
В Венеции пропала.



Наталья Белоус (Париж, Франция)
«Комедия» (холст, масло).

Розаура. Как?

Бригелла. Вот так.

Послали к дяде за наследством... Ах!

Розаура. Тут злодеяние?

Бригелла. Не говорите – рок!

Розаура. Избавь нас Бог от таких тревог!..

Сцена 6.

Входят Доктор и Дзанэтто – богатый жених

Розаура. Какой красавец! Видно, не дурак!

Доктор. Входи, входи, смелее же, вот так!

Вот, дочь моя, вам истинный сеньор!

Дзанэтто. Приветствую!

Розаура (в зал). Как он глядит в упор.

(к Дзанэтто) Как услугам вашим!

Дзанэтто. Значит, то прислуга?

Доктор. Скорее на себя возьмите роль супруга!

Вот дочь моя!

Дзанэтто (оглядывается по сторонам).

Да где ж невеста мне?

Доктор. Вы с дочерью моей наедине!

(в сторону) Болван!

Розаура. Ну нет, скорее, бонвиан.

Красив, капризен, хоть сейчас в роман!

К услугам вашим.

Дзанэтто. Ясно.

Розаура. Он дурак?

Из брака с ним как бы не вышел брак!

Дзанэтто. В делах женитьбы не хочу я лжи.

Розаура. Ты погляди, какие виражи!

Доктор. Не обращай вниманья, пустяки!

Розаура. Да, все мужья, наверно, дураки!

Доктор. Скажите же ей что-нибудь, сеньор.

С любезностей начните разговор!

Дзанэтто (Розауре). Да весь я ваш, и боле ничего!

Доктор (уходя). Наедине добьетесь вы всего!

Сцена 7.

Дзанэтто (в зал).

Жених, жених – твердят наперебой!

Что делать мне, и я жених какой?

Жених павлиний распускает хвост,

А страх в груди моей – во весь свой рост!

Розаура. Дзанэтто мой!

Дзанэтто. Вот голос красоты!

Розаура. Вы мой жених!

Дзанэтто. И сколько доброты!

Розаура. Когда же свадьба?

Дзанэтто. Может быть, торжеств

Мы этих избежим? Ведь это только жест.

Какие церемонии нужны

Для славной пары – мужа и жены?



Розаура. Хотите вы без свадьбы мужем стать?

Дзанэтто. Когда невесту вижу я под стать...

Розаура. Гордец! Наглец! Глупец!

Дзанэтто. Желаю в жены взять
Вас прямо тут!

Розаура. А как же благодать?
Нет, то напрасный труд.
Кто хочет соблюсти
торжественный обряд...

Дзанэтто. Зачем же столько ждать?
На вас такой наряд...

Розаура. Да что ж это – презрение ко мне?

Дзанэтто. Напротив, уважение вдвойне.
У нас в Бергамо всякий подтвердит,
Хотеть и взять своё сам Бог велит.
Сейчас же вас хотел бы я обнять,
Жена моя...

Розаура. Да как же вас понять?

Дзанэтто. Да что за черт! Влюбили вы меня!
Ждать не могу ни часа я, ни дня.

Розаура. Сеньор Дзанэтто, право, вы подлец.

Дзанэтто. А завтра с вами тотчас под венец!

Розаура дает ему пощечину, с плачем уходит.

Сцена 8.

Розаура, потом Панкратио.

Розаура. Каков жених! Нет, право, негодяй!
Бесстыдство, дерзость, так и передай.

А так, сначала, с виду – простачок!

Нет, это мне прекраснейший урок...

Панкратио. О светлый ангел!

Розаура. Утешитель мой!

Панкратио. Что с вами нынче?
Вы чисты душой.

Розаура. Отец сказал – доверься жениху.
Богатому.

Панкратио. Как видно, петуху.

Розаура. Петух и тот умнее во сто крат.

Панкратио. Отвергнут он!
(в сторону).

И этому я рад!

Розаура. Он прибыл в город...

Панкратио. Шею не сломал.

Розаура. Сначала он к ногам моим упал.
Отец ушел.

Панкратио. Вот промах богачей.

Розаура. Не ожидал он таких вещей,
И от красавца – наглости такой...
Дала ему...

Панкратио. Что-что?

Розаура. Пощечину – рукой!

Панкратио. О, умница! Ой, ангел! Молодец!
Каков жених! А уж каков отец!
Вот ручка героини, дайте мне.
(в сторону)

Вот первый поцелуй наедине...

Розаура. Но нужен мне любви теперь предмет.

Панкратио. В знакомом сердце ты найдешь ответ.

Розаура. Но у меня таких знакомых нет.
Панкратио. Какой вы ангел! Я вас знаю век!
Розаура. Вот подлинно прекрасный человек!

Сцена 18.

Панкратио. А вот Дзанэтто, – на траве сидит...
Дзанэтто. Пощечина мужчине не вредит!
И мать меня лупила по щекам!
Но не убила! Трам-парам-там-там!
Панкратио. Куда идете?!
Дзанэтто. К женушке моей!
Панкратио. И нет ее нежнее здесь, ей-ей:
Лупцует вас...
Дзанэтто. Вот слава жениха!
Панкратио. Вы влюблены?
Дзанэтто. Невеста не плоха.
Панкратио. Вы женитесь на ней?
Дзанэтто. Еще бы!
Панкратио. Ах!
Дзанэтто. Вам жаль меня?
Панкратио. Да, в сердце лютый страх!
Вы на краю могилы.
Дзанэтто. Почему?!
Панкратио. С предчувствием не совладать уму.
Дзанэтто. Люблю невесту я.
Панкратио. Да он погиб!
Дзанэтто. А почему?
Панкратио. Ведь женщина как гриб.
Как ядовитый гриб. О, муж, жена...
Дзанэтто. Жена – и что?!
Панкратио. Да это – сатана.
И ночь, и день, и день, и ночь в цепях.
Дзанэтто. Я чувствую в душе какой-то страх!
Панкратио. Немудрено. Женьба – это хмель!
Да это бремя, бремя каждый день:
На душу бремя, бремя на карман.
Дзанэтто. Какой-то мне рисуется кошмар.
Панкратио. А женщина...
Дзанэтто. Да, женщина моя...
Панкратио. Сирена, да?
Дзанэтто. Сирена.
Панкратио. Нет, змея.
Глаза, сверкая, обращают в прах
Тех, кто жениться хочет впопыхах.
А рот как жало. Жало с ядом, да!
Дзанэтто. А щечки те?
Панкратио. У ведьмы? Ерунда!
Дзанэтто. А если хочет женщина обнять...
Панкратио. То это дьявол пристает опять!
Дзанэтто. Я уж подумал...
Панкратио. Думайте быстрее!
Дзанэтто. Так брак – могила?
Панкратио. Да уж, не елей.
Дзанэтто. В корчму скорей!

Панкратио (*наступая ему на пятки*).
Невеста – как гроза!
Дзанэтто. Вы как отец открыли мне глаза!
Панкратио. О женщины!
Дзанэтто. Уй!
Панкратио. Женщины!
Дзанэтто. Фи!
Панкратио. Нет?
Дзанэтто. Никогда!

Сцена 19.

Беатриче видит Дзанэтто и принимает его за Тонино.

Дзанэтто (*сам с собой*). Женьба – яд,
Женьба – это смерть.
О как ее мне избежать успеть?
На сердце бремя, бремя на карман...
Беатриче. Тонино, ты? Любимый!
Дзанэтто (*видит привлекательную девушку*).
Трам-там-там...
Беатриче. Там-там...
Дзанэтто. Там-там...
Беатриче. Ку-ку!
Дзанэтто. Ку-ку!
Беатриче. Ку-ку!
Дзанэтто. Нет. Боже правый! Никаких «ку-ку»!
Беатриче. Ты здесь уже?
Дзанэтто. Ну-ну, иди домой!
Беатриче. Что ты сказал сейчас, любимый мой?
Дзанэтто. На сердце цепи, бремя на карман!
Беатриче. Какие цепи? Что за балаган?
Да ну же! Посмотри же на меня!
Дзанэтто. Глаза горят! Змея, змея, змея...
Беатриче. Вам говорят – послушайте меня!
Дзанэтто. Не буду слушать, право, ни к чему!
Ваш поцелуй – отраву – не приму!
Ты ведьма, ты...
Беатриче. Да выслушай меня!
Дзанэтто. Нет, я пропал, вот очередь моя!
Беатриче. Какие речи!
Дзанэтто. Ведьмы, вот вы кто!
Беатриче. Вы сами балаган и шапито!

Сцена 20.

Беатриче. Услышать это... Разругаться в пух!
Но на лице Тонино был испуг!
Иль он с ума так сходит без меня?
О небеса! Что за судьба моя?!
И все ж за ним последую везде!
Любовь моя! Мне помощи в беде!
(жалобно)
Тонино...

Внимание!

ПОДПИСКА

Оформить подписку
на журнал ПОэтов можно:

- во всех почтовых отделениях;
- в подписных агентствах
и их региональных представительствах

Стоимость подписки на 1 месяц:

127 руб.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС: 81745

ПОЭТЫ
Ж У Р Н А Л
№ 1-2 (57) 2014
ЭТО В

«Журнал ПОэтов»

Учредители

ООО «Эхо планеты»,
Константин Кедров, Елена Кацюба
Идея журнала и творческая концепция
группа ДООС (Добровольное общество
охраны стрекоз) при участии Русского
Пен-клуба, при поддержке Региональной
общественной организации «Центр
современного искусства»

Главный редактор
доктор философских наук
Константин Кедров

Директор издательского проекта
кандидат исторических наук
Эльмар Гусейнов

Редакционный совет

Е.Кацюба (ответ.секретарь);
В.Ахломов; С.Бирюков — доктор
культурологии (Германия);
А.Бубнов — доктор филол.наук;
профессор **В. Вестстейн** (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий —
доктор геолого-минералогических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция); **В.Нарбикова**.

Арт-директор — **Игорь Маркин**
Макет номера — **Елена Кацюба**

На 1 стр. обложки — картина В.Кандинского
«Импровизация №3», 1909 г.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции.
Тираж 8000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать 20.01.2014
Отпечатано в ООО «Графика» в Москве.

Адрес редакции

125009, Москва, Большая Грузинская ул., д.42,
помещение 1

Телефоны:

(499) 243 4215 — для справок
(499) 243 5584 — распространение
(499) 243 4215 — факс

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru
e-mail ekho@ekhoplanet.ru

Ф.СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на **81745**
журнал (индекс издания)

журнал **ПОэтов**

(наименование издания) | количество комплектов

на 2014 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(Фамилия, инициалы)

Дооставочная карточка

81745
ПВ место литер на журнал (индекс издания)

журнал **ПОэтов**

(наименование издания)

СТОИМОСТЬ	подписки	руб.	коп.	количество
	переадресовки	руб.	коп.	комплектов

на 2014 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда
(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(Фамилия, инициалы)

11-й Всемирный день поэзии на сцене любимовской Таганки был отмечен творческим вечером Константина Кедрова и презентацией Журнала Поэтов № 11 «Радары радости». 21 марта 2010 г. Финал вечера. Фото Евгения Зуева. Альбом фотографий http://my.mail.ru/mail/kedrov42/photo?album_id=921



БИБЛИО-ГЛОБУС



56 лет

Ваш Главный Книжный

БИБЛИО-ГЛОБУС

Более 200 тыс. наименований книг

Электронные книги и ридеры

Антиквариат и предметы
коллекционирования

Фильмы, музыка, игры, софт

Канцелярские и офисные товары

VIP - обслуживание

Услуги по формированию
библиотек и коллекций

Доставка книг из-за рубежа

Читательские клубы по интересам

Подарочные карты

Интернет-магазин www.bgshop.ru

Услуги туроператора
«Библио-Глобус» www.bgoperator.ru

Билеты в театры, на концерты

Детский клуб «Библиоша»